

А. Д. ВИСЛОБОКОВ
ЛЕНИНСКАЯ
ТЕОРИЯ
ОТРАЖЕНИЯ
И ЕЁ
СОВРЕМЕННЫЕ
КРИТИКИ

ОРДЕНА ЛЕНИНА ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА
при ЦК КПСС
Кафедра марксистско-ленинской философии

А. Д. ВИСЛОБОКОВ

ЛЕНИНСКАЯ
ТЕОРИЯ
ОТРАЖЕНИЯ
И ЕЕ
СОВРЕМЕННЫЕ
КРИТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
Москва 1971

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН
при ЦК КПСС

Вислобоков А. Д.

В53 Ленинская теория отражения и ее современные критики. М., «Мысль», 1971.

96 с. (Ордена Ленина Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра марксистско-ленинской философии).

В брошюре раскрывается значение ленинской теории отражения для современного научного познания. Большое внимание в ней уделяется ленинской трактовке предмета познания, чувственного познания и абстрактного мышления, вопросу об истине и роли практики в познании. Автор разоблачает современных критиков ленинской теории отражения. Он показывает ненаучность теоретико-познавательных установок современных буржуазных философов и ревизионистов, их антимарксистскую направленность, фальсификацию важнейших положений ленинской теории отражения.

ВВЕДЕНИЕ

Теория познания, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, является одной из важнейших составных частей диалектического материализма. Она имеет огромное значение в изучении и преобразовании окружающего мира, ибо вскрывает наиболее общие законы, методы и пути познания.

Огромная заслуга в развитии марксистской теории познания принадлежит Владимиру Ильичу Ленину. На рубеже XIX—XX вв. он отстаивал марксистскую теорию познания в борьбе против идеализма, в частности махизма. В Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина отмечается его вклад в развитие теории познания марксизма: «Ленин осуществляет философскую «разборку» накопившихся после Маркса и Энгельса новых проблем науки, защищает и развивает основные принципы мировоззрения и метода марксизма, дает обстоятельную критику идеалистических и метафизических концепций.

Непреходящее значение имеют дальнейшая разработка Лениным материалистической диалектики, исследование им проблем теории познания диалектического материализма, его идея союза естествознания и философии. Ленин — первый мыслитель века, который в достижениях современного ему естествознания увидел начало грандиозной научной революции, сумел вскрыть и философски обобщить революционный смысл фундаментальных открытий великих исследователей природы. Он дал блестящее философское истолкование новых научных данных в период крутой «ломки принципов» в ведущих отраслях естествознания. Высказанная им мысль о не-

исчерпаемости материи стала общим принципом естественнонаучного познания»¹.

Ленинская теория познания имеет огромное значение в наше время, в эпоху, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму, в период, когда совершается грандиозная научно-техническая революция. Она является наиболее общим научным методом исследования природы и общества.

Надо сказать, что буржуазные философы, понимая большое значение ленинской теории познания в развитии науки, пытаются опровергнуть ее. Вслед за современными буржуазными философами против марксистской философии, ленинской теории отражения выступают и ревизионисты. Так, Роже Гароди в своей книге «Марксизм XX века» ратует за «творческий» марксизм, ополчается против «догматизма», ставит своей целью придать, по его словам, новую форму марксистско-ленинской философии, соответствующую якобы духу нашего времени, событиям, совершающимся в науке, технике, общественной жизни второй половины XX в.

Однако получается, что за каскадом «революционных» фраз Гароди ревизует основные положения марксистско-ленинской философии, в том числе ее теорию познания, протаскивает теорию познания современной буржуазной философии. Поэтому понятна необходимость критики ревизионистских извращений марксистской теории познания.

Следует сказать, что в нашей философской литературе появился в последнее время ряд работ, посвященных развитию марксистско-ленинской теории познания и критике ее извращений. В первую очередь следует назвать книгу «Ленинская теория отражения и современность», написанную большим коллективом советских и болгарских ученых под общей редакцией Тодора Павлова. Вместе с тем мы считаем, что обсуждение этих вопросов должно быть продолжено, что и впредь одной из важных задач философов-марксистов является показ актуальности ленинского научного наследия.

¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, стр. 14.

Глава I

КРИТИКА ПОНИМАНИЯ ПРЕДМЕТА ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ БУРЖУАЗНЫМИ ФИЛОСОФАМИ И РЕВИЗИОНИСТАМИ

Характер, существо теории познания той или иной философской школы в значительной степени определяются трактовкой предмета познания. Теория познания тесно связана с решением первой стороны основного вопроса философии, определяется им. На эту сторону при рассмотрении той или иной теории познания мало обращается внимания в нашей философской литературе. А это значит, что критика современной буржуазной философии и ревизионизма по вопросам познания не вполне доводится до конца, что содержание марксистско-ленинской теории познания представляется в неполном виде.

Как известно, согласно материализму, источником познания является окружающий человека внешний мир, который существует вне и независимо от сознания. С точки зрения идеализма объектом познания выступает нечто идеальное (например, по Гегелю, — абсолютная идея, по Беркли, — комплекс ощущений), и это идеальное тоже считается познаваемым. Поэтому Ф. Энгельс не относил, например, Гегеля к числу агностиков, ибо на вопрос, познаваем ли мир, он отвечал утвердительно.

Некоторые философы отрицают принципиальную возможность познания объективного мира, считая невозможным постижение сущности вещей, законов их развития. Например, Кант представлял себе мир, состоящим из мира вещей и явлений. По его мнению, природа вещей, как они существуют сами по себе (вещи в себе), принципиально непознаваема; познать мы можем только явления, т. е. способ, при помощи которого вещи обнару-

живаются в нашем опыте. Такая позиция в философии называется агностицизмом.

Признание объективного мира, его предметов и явлений в качестве единственного источника наших знаний составляет основу марксистской, диалектико-материалистической теории познания. По определению В. И. Ленина, материалистическая теория отражения сводится к признанию того, что «вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой»¹.

В основе теории познания диалектического материализма, как указывал В. И. Ленин, лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове.

Таким образом, теория познания диалектического материализма начинается с положения о признании существования внешнего мира и отражения его в голове человека. Ученые, исследующие окружающий мир, отражают в создаваемых ими теориях объективную реальность все глубже и полнее, тем самым показывая, что этот мир существует вне и независимо от сознания.

Анализируя пример с открытием ализарина в каменноугольном дегте, приведенный Ф. Энгельсом, Ленин делает важный гносеологический вывод. «Вчера, — указывает он, — мы не знали, что в каменноугольном дегте существует ализарин. Сегодня мы узнали это. Спрашивается, существовал ли вчера ализарин в каменноугольном дегте?

Конечно, да, — отвечает В. И. Ленин. — Всякое сомнение в этом было бы издевкой над современным естествознанием»². «...Миллионы примеров, — продолжает В. И. Ленин, — таких же простых, как открытие ализарина в каменноугольном дегте, миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение «вещей в себе» в «вещи для нас»»³, которые и являются предметом познания.

Развитие В. И. Лениным марксистской теории познания имело особенно актуальное значение в начале XX в.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 109—110.

² Там же, стр. 102.

³ Там же.

Известно, что в это время в физике были сделаны открытия, которые использовались идеалистами для отрицания материализма. В частности, был открыт электрон, и если раньше многие естествоиспытатели считали атом первокирпичиком мироздания и в соответствии с этим материю представляли себе как совокупность атомов и молекул, то теперь такие взгляды уже не соответствовали действительности. Крушением привычных представлений о материи воспользовались махисты. Они стали утверждать, что «материя исчезла», «атом дематериализовался». В. И. Ленин, анализируя новые открытия, показал, что не материя исчезла, а исчез старый предел знания материи, что электрон является объективной реальностью. «Чтобы поставить вопрос, — указывал В. И. Ленин, — с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны... вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи»¹.

Сейчас открыты десятки стационарных и сотни возбужденных элементарных частиц. Человек глубоко проник в область микромира, подчиняющегося своим специфическим законам движения и развития. Но огромное большинство естествоиспытателей нисколько не сомневается в том, что микромир также существует объективно, получая все более полное и глубокое отражение в сознании.

Таким образом, с точки зрения материалистической философии предметом познания является объективная реальность. Но последнюю, как известно, можно рассматривать метафизически и диалектически. Это различие помогает понять качественное отличие теории познания диалектического материализма от теории познания метафизического материализма. Кроме того, его следует учитывать и при анализе различных нападок на диалектико-материалистическую философию. В. И. Ленин наглядно показал, что идеалисты, агностики и ревизионисты не признают качественного отличия диалектико-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 276.

материалистического понимания внешнего мира от метафизического. Это делается для того, чтобы новые открытия в науке, опровергающие метафизический материализм и его теорию познания, выдать за крушение диалектического материализма и его теории познания.

В. И. Ленин, разрабатывая вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическую теорию познания, показал, что внешний мир развивается от низших и простых форм к высшим и сложным формам, что его развитие подчиняется объективным законам.

Необходимость диалектико-материалистического подхода к окружающему миру выражена в ленинском определении материи. «Материя, — писал В. И. Ленин, — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹. В этом определении отражено единственное «свойство» материи, с которым связан диалектический материализм, — свойство быть объективной реальностью. Подобное определение материи охватывает представление о ее конкретных видах. Так, современные научные открытия новых материальных объектов, например античастиц, возбужденных элементарных частиц, новых полей, небесных тел, звездных ассоциаций, галактик и т. д., доказывают, что марксистско-ленинское понятие материи не устаревает, что оно является предельно широким понятием.

В. И. Ленин, обобщая данные естествознания, высказал гениальное положение о том, что электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна. Это положение многократно блестяще подтверждено не только по отношению к электрону, но и по отношению ко всем на сегодня известным материальным объектам. Положение о неисчерпаемости внешнего мира определяет диалектический характер марксистской теории познания. Не случайно один из важных гносеологических выводов, сделанных Лениным, гласит: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания*

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

Таким образом, объективная реальность является постоянно изменяющейся, развивающейся от низшего и простого к высшему и сложному по законам объективной диалектики. Но если предмет познания не есть что-то раз и навсегда данное, застывшее, неподвижное, а находится в вечном изменении и развитии, то теория познания, претендующая на указание форм, законов и путей познания этого предмета, должна обязательно учитывать это обстоятельство. Такой теорией как раз и является теория познания диалектического материализма.

Диалектический материализм и его теория познания согласуются с любым открытием самых «неожиданных» материальных объектов, обладающих самыми «невероятными» свойствами и структурой. Когда был открыт электрон, совершено открытие превращения атома одного элемента в атом другого элемента, В. И. Ленин сделал вывод, что эти открытия являются блестящим подтверждением правоты диалектического материализма, в том числе его теории познания.

Современные естествоиспытатели, стоящие сознательно на позициях диалектического материализма, руководствуются в своей научной деятельности марксистско-ленинской теорией познания. Так, физики, изучающие элементарные частицы, рассматривают последние как неисчерпаемые, взаимосвязанные друг с другом, взаимопревращающиеся друг в друга и т. д. Они сознательно ставят вопрос об изучении структуры этих частиц, о выяснении ее качественной особенности и добиваются в этом замечательных успехов. Ими установлено, что структура элементарных частиц является динамической в отличие от структуры ранее известных объектов, которую следует считать статической. Одно время физики считали, что структура таких родственных частиц, как протон и нейтрон, одинаковая. Оказалось, что она разная. Ученых уже не смущает тот факт, что частица, взаимодействуя с полем, может породить другую частицу, обладающую во много раз большей массой, чем масса первой частицы.

Надо сказать, что некоторые ученые все еще придер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

живаются одностороннего, недиалектического подхода к изучению объективного мира. Так, например, французский ученый Ф. Жакоб, анализируя природу генов, пишет: «Единственная инструкция, которая могла бы быть дана извне, — это сигнал: да или нет. Деятельность генов можно сравнить с музыкой автоматического проигрывателя; нажимая на одну или другую кнопку, можно сделать выбор между пластинками машины и выбрать ту, которую хочешь прослушать; но ни в коем случае нельзя изменить музыку, проигрываемую с пластинки»¹. Иными словами, носители наследственности — гены рассматриваются им по существу независимыми от среды, что противоречит многочисленным научным данным.

Вопрос о том, как рассматривать организм, в частности взаимосвязанным с внешней для него средой или нет, состоящим из элементов, зависящих от организма или независимых от него, является очень важным. «В наши дни, — пишет Тодор Павлов, — еще встречаются генетики и биологи, отрицающие не только определяющее, но и всякое влияние среды на организм и приписывающие среде, в лучшем случае, роль повода для выявления определяющего действия генов»².

Крайне односторонний, недиалектический подход к окружающей действительности неминуемо сказывается отрицательно на результатах познания. Об этом говорят многие примеры из истории естествознания прошлого и настоящего времени.

Как мы уже отмечали, на рубеже XIX—XX вв. идеалисты пытались использовать новые открытия в науке для опровержения диалектико-материалистической философии, и в частности ее теории познания. Так, например, Э. Мах писал: «Задача науки может состоять лишь в следующем: 1. Исследовать законы связи между представлениями (психология). — 2. Открывать законы связи между ощущениями (физика). — 3. Разъяснять законы связи между ощущениями и представлениями (пси-

¹ *Франсуа Жакоб*. Прогресс и перспективы биологии клетки. — «Будущее науки». Международный ежегодник, вып. 2. Изд-во «Знание», 1968, стр. 149.

² *Т. Павлов*. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. — «Ленинская теория отражения и современность». София, 1969, стр. 40.

хофизика)»¹. Ленин, рассматривая это положение Маха, отмечал: «Это — вполне ясно.

Предмет физики — связь между ощущениями, а не между вещами или телами, образом которых являются наши ощущения»². Здесь Ленин показывает коренное отличие материалистической трактовки предмета познания от субъективно-идеалистической.

Субъективный идеалист Р. Авенариус проповедовал так называемую теорию принципиальной координации, согласно которой существует неразрывная обязательная связь «нашего Я и среды», причем в основе этой связи лежит сознание. Ленин, критикуя эту теорию, показал, что Авенариус, а раньше Фихте, впервые ее выдвинувший, ничего другого не утверждали, кроме того, что мир есть мое ощущение. «Строить теорию познания, — писал Ленин, — на посылке неразрывной связи объекта с ощущением человека («комплексы ощущений» = тела; «элементы мира» тождественные в психическом и физическом; координация Авенариуса и т. п.) значит неизбежно скатиться в идеализм»³.

Ленин опроверг идеалистическое решение первой стороны основного вопроса философии, показал, опираясь на данные естествознания что природа существует *до* человека, следовательно, *до* ощущений, идей и т. п., в том числе *до* идеи об «абсолютной идее», об «абсолютном духе», что сознание есть свойство высокоорганизованной материи, мозга человека, что сознание не может существовать без материи, в то время как последняя существует вне и независимо от сознания.

Современные буржуазные философы видят связь между трактовкой предмета познания и сущностью теории познания. Именно поэтому они яростно нападают на диалектико-материалистическое понимание предмета познания и на ленинскую теорию отражения. Так, западногерманский философ И. Фечер пишет в книге «Карл Маркс и марксизм», что положения о вечности материи, материальном единстве мира, о возможности познания окружающего мира — всего лишь догмы, что никакой диалектики природы и общества, кроме диалек-

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 33.

² Там же.

³ Там же, стр. 70.

тики мышления, не может быть, что ленинская теория отражения есть наивный реализм¹.

Современные буржуазные философы, решая так или иначе вопрос о предмете познания, прежде всего пытаются опровергнуть понятие материи, сформулированное В. И. Лениным. «Его (В. И. Ленина. — А. В.) понятие материи, — утверждает неотомист Г. Веттер, — ничего не говорит о сущности материи, так как он определяет материю лишь по ее отношению к чему-то иному, к сознанию»². Подобный аргумент выдвигает и английский неопозитивист А. Айер. Философские термины «материя», «причинность» и т. д., по мнению А. Айера, лишены смысла и подлежат исключению из понятийного состава науки.

Однако такого рода «опровержение» марксистско-ленинского понимания материи не является оригинальным. Махист Богданов возмущался в свое время по поводу определения материи как объективной реальности, данной нам в ощущении, считал якобы ничего не выражающим положение о первичности материи и вторичности сознания. В. И. Ленин, критикуя взгляды Богданова, показал, что нельзя дать иного определения двум предельно широким понятиям — материи и сознания, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. «Только шарлатанство, — указывал В. И. Ленин, — или крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих... предельно широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или другое берется за первичное»³.

Что же, с точки зрения современных буржуазных философов, является предметом познания?

Неотомисты, например, утверждают, что человек познает реальность, окружающую человека. Реальность же эта есть не что иное, как порождение бога, который управляет ею. Веттер, в частности, пишет, что можно согласиться с положением диалектического материализма

¹ *Iring Fetscher. Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie der Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 140—144.*

² *Gustav A. Wetter. Sowjetideologie heute. 1. Dialektischer und historischer Materialismus. Frankfurt am Main und Hamburg, 1962, S. 40.*

³ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149.*

о том, что стул, стол, планеты, солнце, и т. д. существуют вне и независимо от сознания человека, и тем не менее следует наряду с этим признать наличие бога как создателя и перводвижателя всего существующего.

Предметом познания в неотомизме объявляется бог, божественный разум, надуманная сверхъестественная сила, т. е. нечто идеальное. Физический мир от субатомных частиц до экстрагалактик, пишет итальянский томист Сельваджи, представляет собой «божественную гармонию, которую природа поет на своем немом языке и которую физик стремится выразить посредством формулирования физических законов»¹. Неотомист Томас Дж. Блэкли, «опровергая» в своей книге «Советский схоластицизм»² атеистическую направленность положения диалектического материализма о первичности материи и вторичности сознания, заявляет, что материя первична по отношению к сознанию человека, но это, мол, несколько не опровергает существования мира божества, сознания бога. Указанное положение, по его мнению, опровергает только субъективный идеализм, но не объективный. Он считает, что тезис о том, что «нет и не может быть другого сознания, кроме человеческого», является догматическим, бездоказательным.

В действительности тезис диалектического материализма о первичности материи и вторичности сознания направлен против субъективного и объективного идеализма, ибо положение о существовании бога, «сознания бога» выдвинуто человеком на определенной ступени развития человечества. Достаточно сказать, что, как доказывается некоторыми исследователями, самый большой период в жизни людей был безрелигиозный. Тезис о том, что нет и не может быть другого сознания, кроме человеческого, является не догматическим, не бездоказательным, а научно обоснованным.

Идея о боге пропагандируется и некоторыми субъективными идеалистами, например американским позитивистом Ф. Франком. Материя, как писал Франк в докладе, зачитанном на XII Международном конгрессе философов в 1958 г., может быть превращена в некую

¹ Цит. по: «Современная идеалистическая гносеология». Критические очерки. М., 1968, стр. 47.

² *Thomas J. Blakeley. Soviet Scholasticism. Dordrecht, 1961.*

нематериальную сущность. «Следовательно, материалистическое описание мира, провозгласившее «вечность материи», отброшено современной наукой, которая в настоящее время стала более совместимой с идеей божественного творения... Материя может «исчезать» и «заменяться» «духовным бытием»»¹. Франк заявляет, что для него «понятия «материя», «сознание», «причина и действие» и им подобные являются теперь терминами только обыденного здравого смысла и не имеют места в строго научном рассуждении»².

Как видно, Веттер и Франк считают, что окружающий мир создан богом, что идея о боге неопровержима. Так ли это? Нет, конечно. Классики марксизма-ленинизма вскрыли причины появления религии, обнажили сущность религии как фантастическое, извращенное отражение действительности, указали, что главные причины существования религии в настоящее время — это социальные причины, показали, что кажущаяся беспомощность эксплуатируемых перед эксплуататорами порождает веру в богов, в загробную, райскую жизнь и т. д.³

Ложного, ненаучного взгляда на предмет познания придерживаются и современные субъективные идеалисты. Так, Б. Рассел писал: «Как мы не можем быть *уверены*, что солнце не является ярким, так мы не можем быть *уверены* и в том, что оно не является разумным... Мы можем оказаться правыми, думая, что и то и другое невероятно, но мы безусловно будем неправы, если скажем, что и то и другое невозможно»⁴.

В. И. Ленин, критикуя субъективно-идеалистическое понимание предмета познания, указывал, что природа существует до человека, до его опыта. Ощущения, восприятия, понятия, язык, теории и т. д. являются плодом позднейшего развития материи.

Пытаясь опровергнуть марксистско-ленинскую философию, буржуазные философы нападают на марксистское положение о наличии объективной диалектики, дей-

¹ Цит. по: «Борьба В. И. Ленина за воинствующий материализм и революционную диалектику». М., 1960, стр. 369—370.

² Филипп Франк. Философия науки. Связь между наукой и философией. М., 1960, стр. 114.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

⁴ Бертран Рассел. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957, стр. 264—265.

ствующей в природе и обществе независимо от сознания, вне сознания. С этой целью они стремятся под видом критики метафизического материализма отбросить научную марксистско-ленинскую философию. Например, Айер заявляет, что он выступает «против теории, утверждающей, что природой правят законы диалектики»¹. «Так, если брать термин «противоречие» в логическом смысле, — пишет он, — то оказывается, что в природе не могут существовать противоречия. Противоречивыми могут быть только высказывания. А так как все истинные высказывания должны быть логически совместимы, то не только природные процессы не могут быть противоречивыми, но и правильно описывающие их предложения также не могут быть противоречивыми»². В конце концов Айер заявляет, что материалистическая диалектика бессодержательна³.

Неотомист Г Фальк в своей антикоммунистической книге «Идеологические основы коммунизма» утверждает, что марксистская диалектика только затуманивает сознание людей. Отсутствие объективной диалектики он пытается доказать, ссылаясь на отсутствие якобы в природе развития от низшего к высшему. Неживая природа, согласно диалектическому материализму, рассуждает Фальк, породила живую, но как это могло произойти, если в неживой природе не содержалась живая природа, как могло низшее, простое породить более высшее и более сложное? Само по себе, без бога, делает вывод Фальк, такое превращение не могло произойти. Действительная диалектика, по Фальку, — это метод развития человеческого духа, а не материи.

Следует отметить, что буржуазные философы справедливо увидели в материалистической диалектике решающее в марксизме-ленинизме. На это решающее они и ополчились. «Учение о материалистической диалектике, — пишет Веттер, — является той главой в диалектическом материализме, в которой прямо-таки решается его судьба. Ибо, если «материалистическая диалектика» окажется несостоятельной или ничего не говорящей, то

¹ См. А. Дж. Айер. Философия и наука. — «Вопросы философии», 1962, № 1, стр. 98.

² Там же, стр. 98—99.

³ См. там же, стр. 99.

рухнет здание всего учения»¹. И конечно же, материалистическая диалектика, по Веттеру, несостоятельна. В чем же Веттер видит несостоятельность научной диалектики? В том, что она не может, по его мнению, быть диалектикой внешнего мира, она может быть только диалектикой сознания, мышления. «Коренная ошибка учения о материалистической диалектике, — говорит Веттер, — заключается в том, что здесь перенимается гегелевская концепция... которая теряет всякий смысл, если в ее основании лежит «материалистический переворот» Гегеля...» (т. е. гегелевской диалектики. — А. В.)².

Несомненно, что эти рассуждения Веттера несостоятельны. Веттер заведомо неправильно представляет дело так, будто материалистическая диалектика появилась только потому, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли диалектику Гегеля диалектикой материалистической. Переворот, совершенный Марксом и Энгельсом, здесь сведен Веттером к очень простой операции переименования диалектики абсолютного духа в диалектику природы, общества и мышления.

Известно, что марксистская диалектика прямо противоположна гегелевской диалектике, ибо она создана на основе материалистического решения основного вопроса философии. Как указывал Ленин, Гегель лишь угадал (не более) в движении идей движение вещей. Обобщив огромный естественнонаучный материал, классики марксизма открыли, что в природе действуют объективные законы диалектики. Маркс и Энгельс, глубоко изучив историю общества, обобщив борьбу пролетариата против буржуазии, показали, что законы диалектики действуют и в общественной жизни. Маркс и Энгельс открыли также, что законы диалектики действуют и в сфере мышления. Тем самым Маркс и Энгельс создали материалистическую диалектику. Об этом умалчивает Веттер и поэтому фальсифицирует марксизм-ленинизм, искажает представление о его происхождении и о содержании материалистической диалектики.

Вслед за буржуазными философами наличие объективной диалектики отрицают также и современные реви-

¹ G. A. Wetter. *Dialektischer und historischer Materialismus*, S. 115.

² Там же, стр. 116.

зионисты. Так, например, Гароди утверждает, что классики марксизма якобы ничего не говорили об объективной диалектике. Он пишет, что Энгельсу, мол, всего лишь казалось, что существуют наиболее общие законы природы, общества и мышления, что эту кажимость в науке второй половины XIX в. нельзя превращать в исчерпывающий перечень всеобщих «законов» и «черт» объективной диалектики. Но это не соответствует действительности, ибо об объективном характере законов диалектики Ф. Энгельс неоднократно писал в своих работах («Диалектика природы», «Анти-Дюринг» и др.). Об этом неоднократно писали также К. Маркс и В. И. Ленин.

Надо сказать, что некоторые югославские философы нередко идут вслед за современными буржуазными философами и ревизионистами, по существу становятся в ряды критиков ленинской теории отражения. Они, например, признают диалектику, но только как диалектику взаимоотношения окружающего мира и человека, природы и человека, как «диалог» человека с природой. При чем они вообще не признают ничего независимого от человека. «...Бессмысленно... желать, мыслить и говорить о чем-либо, — пишет югославский философ М. Маркович, — что полностью независимо от человечества и человеческой практики»¹. Вне исторически данной человеческой практики, утверждает М. Кангра, нет диалектики, поскольку вне и без человеческой деятельности ничего не происходит, ничего не случается.

Подобное отрицание объективной диалектики, как мы увидим ниже, приводит современных критиков марксистско-ленинской философии к идеалистическому толкованию теоретико-познавательных проблем.

Рассмотрим, как трактуют предмет познания современные ревизионисты. Следует сразу отметить, что в их трактовке много эклектического, попыток «преодолеть» «крайности» двух основных направлений в философии и ввиду этого неизбежное скатывание на позиции идеалистического мировоззрения.

С точки зрения, например, Гароди, «человек, чтобы познать вещи, идет им навстречу, составляя схемы, чтобы

¹ М. Marković. Osnovi dijalektičko-humanističke teorije istine. — «Praxis», 1965, N 2, str. 184.

их постигнуть, гипотезы, чтобы их понять... Диалектический материализм Маркса, впитав в себя богатый вклад немецкой идеалистической философии об «активной стороне познания», устанавливает, что отражение не является отправной точкой познания: оно складывается через последовательные приближения при помощи гипотез, создаваемых активным человеком и опровергаемых или подтверждаемых практикой»¹. По мнению Гароди, из всех наук подлинной наукой является только кибернетика, а философия марксизма-ленинизма должна называться не диалектическим материализмом, а структурализмом.

По Гароди получается, что природа—это своего рода оборотень, постоянно меняющийся, что она вечно остается загадочной, по существу непознаваемой. Поэтому знания о ней каждый раз носят только временный характер, они целиком и полностью зависят от человека. В этих знаниях отсутствует такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что знания о природе, согласно Гароди, существуют только в форме гипотез, схем, моделей и по сути дела не существуют в форме научных положений, законов науки, научных теорий и т. д.

Разбирая взаимодействие субъекта и объекта познания, Гароди превозносит «богатый вклад» немецкой идеалистической философии в решение вопроса об активности человека в познании. Но как известно, в этой философии активность субъекта трактуется в идеалистическом духе. Поэтому игнорировать положение о действительно активной роли субъекта в познании, содержащееся в диалектическом материализме, и поднимать на щит положение о призрачной активности, развитое Гегелем и Фихте, как это от имени марксизма делает Гароди, — значит ревизовать марксизм.

Кроме того, Гароди запутывает вопрос о материальности мира и в конечном итоге открыто скатывается на позиции субъективного идеализма. «Материальность, — пишет он, — это не только отрицание, предел, столкно-

¹ *Roger Garaudy. Marxisme du XX-eme Siècle. Paris — Geneve, 1966, р. 54, 59—60* (в дальнейшем ссылки на это издание даются непосредственно в тексте с указанием лишь страниц).

вание или сопротивление в отношении акта человеческого мышления или человеческой практики». И далее. «Новая гипотеза является наследницей той, которую она заменяет и разрушает. Значит, власть над природой накапливается, и мои сегодняшние действия, используя эту власть для управления природой, рисуют по крайней мере контур ее структуры, познаваемой все более и более тонко» (стр. 80, 81).

Как видим, Гароди заменил четкое марксистско-ленинское положение о материальности мира субъективно-идеалистическим положением, по существу поставив материю в зависимость от субъекта, от его действий.

И хотя Гароди заявляет, что его положения не означают «сползания к идеализму» на самом же деле предмет познания им рассматривается в духе теории принципиальной координации Авенариуса, раскритикованной В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» за субъективно-идеалистическое содержание.

Рассматривая законы развития внешнего мира, Гароди сползает на позиции кантианства. «Нучные законы, — пишет он, — не являются копией чего-то, это конструкции нашего сознания, всегда приблизительные и временные, позволяющие нам подчинить себе действительность, нами не созданную...» (стр. 85).

В действительности законы науки являются именно отражением внутренних, существенных, необходимых связей вещей и явлений, а не конструкцией нашего сознания. Кроме того, законы науки не являются «всегда временными», как это утверждает Гароди. Как бы ни менялись границы применения закона науки, он все же остается справедливым для тех явлений, применительно к которым он и был сформулирован. Например, после создания теории относительности была показана ограниченность действия законов классической механики, сформулированных Ньютоном. Но тем не менее истинность этих законов не подвергается сомнению; они остаются справедливыми по отношению к механическим явлениям.

На идеалистические позиции Гароди сползает и в своей трактовке основной категории философии. С его точки зрения такой категорией является категория «взаимосвязь», а основным методом философии якобы является структурализм. «Понятие «структуры» в совре-

менном смысле этого слова, — пишет он, — это проводник философии. В первом приближении, скажем, философии, где основной категорией является уже не *бытие*, а *взаимосвязь*. Легко уловить связь между этим направлением и «оперативным» характером познания: если действительность не может определяться вне технических или интеллектуальных операций, благодаря которым мы ее познаем и на нее воздействуем, то великое дело познания не состоит более в достижении *созерцания первоэлементов* или высших принципов...» (стр. 91).

Критикуя эти положения Р. Гароди, Ф. И. Долгих справедливо указывает, что «непревзойденные образцы изучения структуры той или другой вещи или явления, взаимосвязи элементов, из которых состоит вещь или явление, отношение части к целому и т. д. дали классики марксизма-ленинизма»¹. При этом они «считали, что вопрос о том, что с чем связано, элементы *бытия*, т. е. материи, объективной реальности, существующей вне и независимо от нашего сознания, или элементы сознания, является принципиальным, мировоззренческим. В. И. Ленин показал, что по ответу философа на вопрос о том, что находится в движении, что с чем связано, определяется принадлежность этого философа к линии либо материализма, либо идеализма»².

Неправомерно также утверждение Гароди о том, что основным методом философии является структурализм. Как подчеркивает академик Тодор Павлов, «системно-структурный подход, понятно, необходим в частно-научных исследованиях, в языковедении, биологии, социологии, математике, кибернетике, бионике, физике и т. д. Но он не может упразднить или подменить собой необходимость философских исследований бытия и сознания в свете основного, или главного, вопроса философии, а в связи с этим и научного ленинского определения философского понятия материи»³.

Идеалистическим является и утверждение Гароди о том, что материя, согласно якобы данным современной физики, — это энергетическое поле. В. И. Ленин, критикуя Оствальда, утверждавшего, что окружающий чело-

¹ Ф. И. Долгих. В. И. Ленин о единстве мира. М., 1970, стр. 96

² Там же.

³ Тодор Павлов. Марксистско-ленинская философия и системно-структурный анализ. — «Коммунист», 1969, № 15, стр. 127.

века мир — это только энергия, показал, что попытка мыслить энергию без материи является идеалистической, ибо она равносильна попытке мыслить сознание без материи. Как видно, последователи Оствальда имеются и в наше время.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Гароди трактует предмет познания с позиций метафизики и субъективного идеализма. Это определяет и субъективно-идеалистический характер теории познания в целом, развиваемой Гароди. Но он прямо не повторяет махистов. Наоборот, Гароди как бы с ними спорит. Ведь махисты объявили первичным, а следовательно, предметом познания, ощущения. Гароди не пошел по этому пути. Он игнорирует ощущения вообще, но с тем большей настойчивостью показывает «творческую», «созидательную» роль абстрактного мышления. Дело в том, что, как показал М. Н. Руткевич, продолжатели Маха придали субъективному идеализму несколько иную форму. Они «строят» мир не просто из ощущений, а одни из них — из ощущений и мыслей, другие — только из мыслей. Эта поправка к Маху вызвана стремлением исправить слабые места «старого» махизма. Известно, что Мах отрицал реальное существование атомов: раз атомы нельзя воспринять чувственно, то они есть всего-навсего «удобная гипотеза» или даже фикция.

«В наше время, когда открыт целый мир частиц более мелких, чем атом, когда физика проникла в ядро атома, отрицать реальность атомов, ядер, электронов, фотонов и т. д. — значит снискать себе крайне незавидную славу»¹. В то же время субъективные идеалисты не хотят или не могут признать *объективное* существование этих частиц. Но они прекрасно осознают, что для того, чтобы сделать вывод о существовании атомов и элементарных частиц, необходимо логическое мышление. Отсюда следует предложение: давайте объекты такого рода рассматривать как логические конструкции нашего ума, а в целом окружающий мир представлять состоящим из ощущений и мыслей или только из мыслей.

Гароди как раз и пошел вслед за теми современными буржуазными философами, которые абсолютизируют

¹ М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов. М., 1959, стр. 54, 55.

роль абстрактного мышления в познании и отрывают это мышление от материи, от объективной реальности.

Следует сказать, что попытки отрицать ленинскую теорию отражения, идеалистически истолковывать предмет познания предпринимают некоторые югославские философы. По мнению Г Петровича, для философа безразлично, что считать первичным — материю или сознание. Это приводит к идеалистической трактовке основного вопроса философии. ««Основной вопрос философии», — пишет Петрович, — можно интерпретировать и так, что здесь речь идет не об отношении природы к абсолютному духу, а об отношении природы к человеческому духу. Но человек не есть только дух, «дух» является только одной «частью», «стороной» или «аспектом» человека. Было бы удивительно, если бы вопрос об отношении одной части человека к материи или к природе был бы основным вопросом философии. Разве не более важным является вопрос об отношении целостного человека к миру, в котором он живет?»¹ «...Основным вопросом философии остается вопрос об отношении субъекта и объекта (не материи и духа!)»², — заявляет и Животич.

Выступая на симпозиуме по вопросам диалектики и современного естествознания в Москве, Маркович критиковал «онтологическую доктрину» об универсальных законах природы, общества и мышления, которая якобы забывает о том, что все наши знания и представления об окружающем мире опосредованы практикой и содержат элемент субъективности.

Как видно, некоторые югославские философы «развивают» первую сторону основного вопроса философии, причем отвергают ее в той постановке, которая дана Марксом, Энгельсом и Лениным (т. е. отвергают вопрос о соотношении материи и сознания).

В чем же заключается несостоятельность подмены вопроса об отношении сознания и материи вопросом об отношении субъекта и объекта?

Подобная подмена ведет в конце концов к концепции, согласно которой человек не действует на основании познания законов внешнего мира, а сам творит природу, человек превращается в абсолютно творящее «сверхсу-

¹ *Gajo Petrovia Filozofija i marksizam*. Zagreb, 1965, str. 78.

² «Marks i savremenost», deo 1. Beograd — Arandelovac, 1964, str. 81.

щество». Но с этой точки зрения необъяснимы ни возможности, ни мотивы деятельности субъекта; если субъект имеет дело только с произведенным им же самим объектом, то откуда взялся первый объект и как могла вообще начаться деятельность? Не ясно также, откуда в конце концов взялся сам субъект.

Выступая против ленинской теории отражения, современные буржуазные философы и вслед за ними современные ревизионисты пытаются опровергнуть ленинское определение материи. «Для последовательного материализма, — пишет, например, Лефевр, — слово и понятие «материя» означает бесконечность данного бытия». И далее. «Нет объекта без субъекта, нет субъекта без объекта: это положение понимается в рамках практической (социальной) деятельности, а не чистого сознания»¹. Этот же автор утверждает, что если в марксизме-ленинизме признается всеобщая связь и взаимообусловленность в окружающем мире, то следует и материю рассматривать в неразрывной связи и зависимости от сознания. При этом он пытается доказать, что подобные выводы вытекают из учения Маркса. Ленинское же определение материи Лефевр считает неопределенным, излишним. В таком же духе рассуждает и ренегат Л. Колаковский: «Материя, отделенная от человека, — пишет он, — это ничто. В этом смысле поставить вопрос о материи «самой в себе» все равно, что спросить существует ли ничто»². Материя, по мнению Колаковского, — это то, что оказывает сопротивление человеческому усилию. Как видно, определение материи, данное Колаковским, является субъективно-идеалистическим.

По мнению противников ленинской теории отражения, человек не отражает, а творит мир и делает это не только тогда, когда практически воздействует на него, но и тогда, когда интерпретирует, объясняет его. Например, Петрович, критикуя одиннадцатый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе, пишет: «Интерпретация мира, не означающая его изменение, логически невозможна... Когда человек интерпретирует мир, он тем самым меняет, по крайней мере, свое понимание мира, а изменяя свое понимание мира, он не может не изменять и свое отноше-

¹ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 362.

² См. там же.

ние к миру. Изменяя свое понимание и поведение, он влияет на понимание и деятельность других людей, находясь с ними в различных отношениях.

Насколько данная теория изменяет мир — это вопрос практики. Но в принципе не может быть, чтобы данная философская теория не изменяла мир. Это невозможно и потому, что всякая философская теория и, вообще, всякая интерпретация мира, означает своеобразное создание мира»¹.

Поскольку отражение, рассуждает Петрович, несовместимо с творчеством, с творением мира, постольку ленинская теория отражения не имеет научной ценности, она «несовместима с марксовым пониманием человека как творческого, практического существа»².

Таким образом, основная борьба критиками ленинской теории познания ведется против положения о способности человека отражать внешний мир и в соответствии с этим изменять его именно на основе знаний, полученных в процессе отражения. Так, С. Стоянович пишет: «...материя не является генетически первичной по отношению к психике и, более того... вопрос о генетической первичности... перестал быть серьезным философским вопросом»³. «...Человек, — пишет также Кангра, — производит, создает, полагает природу как свой предмет, который есть... опредмечивание его субъективных сущностных сил... Он *производит* природу...»⁴ Следовательно, то, благодаря чему существует и человек, и природа, является производением человека.

Как видно, некоторые югославские критики ленинской теории отражения в определении материи идут вслед за идеалистической буржуазной философией и ревизионизмом. «Природа без человека, — пишет, например, идеалист Кальвез, — не имеет смысла, она не имеет движения, она представляет собой хаос, недифференцированную и индифферентную материю, а следовательно, в конечном счете ничто»⁵.

¹ G. Petrovic. Filozofija i marksizam, str. 256.

² См. там же, стр. 250.

³ «Marks i savremenost», deo 1, str. 83.

⁴ Milan Kangra. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza. — «Neki problemi teorije odraza». Referati i diskusija na IV stručnom sastanku Udruženja. Bled, 10—11 novembra 1960, [6. г., 6. м.], str. 37.

⁵ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 363.

Современный ревизионизм, отвергнув диалектико-материалистическое решение первой стороны основного вопроса философии и ленинское определение материи и скатываясь на идеалистические позиции, вступает в острейшее противоречие с данными современной науки.

Классики марксизма-ленинизма вскрыли закономерности возникновения и развития сознания, мышления. Сознание возникло и развивалось вместе с возникновением и развитием трудовой деятельности человека. «...Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, — писал Ф. Энгельс, — является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая...»¹ В самом понятии изменения предполагается то, что изменяется: человеческая деятельность *предполагает* внешний мир. Сознание и даже «субъект» не могут быть генетически первичными по отношению к материи, к природе и даже к «объекту». Материя существовала не только *до* сознания, но и *вне* и *независимо* от сознания и от субъекта.

К определению сознания классики марксизма подходили всесторонне. Сознание является и продуктом общественного развития, и функцией высокоорганизованной материи, т. е. головного мозга человека, и т. д. Но главным в определении сознания является указание, что оно есть *отражение* вещей и явлений в голове человека. Сознание не может творить, создавать новое, не отражая действительности, не опираясь на отраженные, необходимые ее свойства и связи, законы ее развития. Ревизионисты, противопоставляя положение о «творческой», практической деятельности человека положению о сознании как об отражении, не могут или не хотят понять того, что без творческой, активной деятельности человека не могло бы появиться сознание, в том числе и как отражение внешнего мира в голове человека, и, наоборот, без возникновения сознания как отражения не было бы активной деятельности человека. Тем самым они отрезают себе пути к правильному пониманию происхождения и развития как сознания, так и творческой, активной деятельности человека в процессе познания.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

Глава II

КРИТИКА ИЗВРАЩЕНИЙ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ПОНИМАНИЯ ОТРАЖЕНИЯ, РОЛИ ЖИВОГО СОЗЕРЦАНИЯ И АБСТРАКТНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ

Как мы уже отмечали, в основе теории познания диалектического материализма лежит признание существования внешнего мира и отражения его в человеческой голове. Следует подчеркнуть, что признание существования объективной реальности является первым, исходным принципом диалектико-материалистической теории познания как теории отражения. Именно этим прежде всего в корне отличается диалектико-материалистическая теория познания от идеалистической. Еще Ф. Энгельс писал: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия»¹.

Отражение вещей и явлений в голове человека есть познание этих вещей и явлений человеком. Способность человека отражать внешний мир означает способность его познать окружающий мир. Ф. Энгельс писал: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?»² На последние два вопроса Ф. Энгельс дал вполне утвердительный ответ. «Решительно никакой принципиальной разницы, — отмечал и Ленин, — между явлением и вещью в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 301—302.

² Там же, стр. 283.

себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано...»¹

Марксистская теория познания утверждает, что в результате отражения внешнего мира у человека возникают ощущения, восприятия и т. д., которые являются образами, снимками, слепками вещей. Положение о том, что отражение происходит именно в виде идеальных образов, снимков, слепков, является одним из важнейших в теории познания диалектического материализма. Развитию его уделял особое внимание В. И. Ленин. В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» он подверг критике идеалистическое толкование ощущений в так называемой теории иероглифов, символов. Эта теория была разработана Гельмгольцем на основе сформулированного Мюллером в середине XIX в. закона специфической энергии органов чувств, согласно которому ощущения, возникающие у человека, есть результат проявления внутренних свойств («специфической энергии») органов чувств, а не отражение более или менее адекватное свойств, признаков вещей, предметов. С этой точки зрения, например, ощущение такого атмосферного явления, как радуга, затем механического удара по глазу и, наконец, электрического тока, пропускаемого через орган зрения, есть ощущение одинакового «разноцветия», т. е. во всех трех случаях как бы одного и того же, хотя на орган зрения действовали последовательно три совершенно разных материальных объекта.

Отсюда делался вывод, что ощущение есть условный знак, символ вещей. Возникновение такого символа якобы указывает на то, что на органы чувств что-то действует, но что именно — это остается неизвестным.

Согласно теории символов, формально не отрицается наличие вещей и явлений, существующих вне и независимо от сознания, но отрицается их познаваемость, поскольку ощущение, а следовательно, восприятие, представление и т. д. есть символы.

Глубокую критику этой теории дал В. И. Ленин. При этом следует иметь в виду, что Ленин критиковал теорию символов, а не применение символов в конкретных науках. Последнее не имеет ничего общего со взглядами на ощущение как на условный знак. Дело в том, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

символы, применяемые в науке, есть своего рода условные «представители» либо ощущений, либо понятий и т. д., но ощущений и понятий, являющихся образами вещей. В теории же иероглифов сами ощущения, сами понятия считаются условными знаками.

Ленин показал, что ощущения как образы, во-первых, обязательно предполагают наличие вещей и явлений; во-вторых, они соответствуют вещам и явлениям, ибо они есть более или менее правильное отражение их. Ленин показал, далее, что, согласно теории иероглифов, ощущения не обязательно должны предполагать объективное существование вещей и явлений. Следовательно, теория символов ставит под сомнение существование объективной реальности, т. е. ведет к идеализму. Далее, она есть проявление агностицизма, так как в ней утверждается принципиальное несходство, несоответствие между вещью и ощущением. Но, как справедливо писал В. И. Ленин, «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней»¹. Постоянное расширение и углубление знаний человека об окружающем мире, все большее использование сил природы в интересах людей, развертывающийся процесс революционного преобразования общественной жизни — все это является наглядным свидетельством крушения идеалистической и агностической теории символов.

Из сказанного ясно, что вопрос о том, отражаются ли вещи в голове человека в виде образа или в виде символа, имеет принципиальное значение. Здесь надо также отметить, что образ вещи и сама вещь не совпадают, между ними есть только соответствие. Возьмем такой пример: в природе совершаются электромагнитные колебания с определенной длиной волны. Человек, имеющий нормальное зрение, воспринимает эти колебания, например, как красный свет. Ощущение красного света и есть образ электромагнитных колебаний с этой длиной волны. Далее, воздействие этих колебаний на нормальные органы зрения любого человека каждый раз вызывает ощущение только красного света. А это значит, что объективное содержание ощущения красного света разными людьми является одним и тем

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 185.

же, следовательно, это содержание определяется самим объектом. Электромагнитное колебание с определенной длиной волны имеет и такое объективное свойство, объективный признак, который отражается в виде красного света. Для выражения этого факта другого понятия, кроме как понятие «образ», не найдешь. Понятие «образ» органически связано с понятием «отражение», «отображение». Но последнее есть не что иное, как познание, т. е. получение правильных, достоверных знаний о вещах и явлениях.

Физиология высшей нервной деятельности дала новые подтверждения правильности ленинского взгляда на ощущение как на образ. Давно доказано, что колебание воздуха, физический процесс, связанный с произношением, например, звука «а», в органе слуха человека преобразуется в качественно другие процессы, прежде всего физиологический. Этими процессами уже в слуховом нерве, где нет ни единой «звуковой волны», являются нервные импульсации.

Возникают вопросы: несут ли на себе нервные импульсации все то, что в точности соответствует первоначальному процессу? Нет ли в них «излишков» или «недостатков»? Современная наука отвечает на первый вопрос положительно, на второй — отрицательно. Замечательным фактом является открытие обратного «превращения» нервных импульсаций, возникших в результате произнесения, например, звука «а», в звуковую волну, в точности соответствующую звуку «а»¹.

В. И. Ленин не считал, что любое ощущение, восприятие, представление и т. д. как образы являются правильным отражением. Нет, он признавал наличие и ложных, неправильных образов. Одна из заслуг В. И. Ленина состоит в том, что он указал средство отличия истинных образов от ложных. Таким средством является практика. Характеризуя материалистическую теорию отражения, В. И. Ленин писал: «Проверка... образов, отделение истинных от ложных дается практикой»².

¹ См. П. К. Анохин. Психическая форма отражения действительности. — «Ленинская теория отражения и современность», стр. 112.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 109—110.

Таким образом, когда В. И. Ленин говорил о познании как отражении, то в конечном итоге он имел в виду получение вполне достоверных научных данных об объективном мире. Это обстоятельство хотелось бы подчеркнуть в наше время, когда в интересах познания окружающего мира особенно много составляется схем, выдвигается гипотез, строится моделей и иногда, например, выдвижение гипотезы объявляется чуть ли не конечным пунктом познания. Дело в том, что гипотезы, модели и схемы в своем большинстве так или иначе способствуют получению истинного образа о том или другом материальном объекте, но сами они еще не являются такими образами. Поэтому, в частности, моделирование не может быть конечной целью познания.

В. И. Ленин всесторонне развил также вопрос о том, что познание как отражение является не одноразовым актом, а диалектическим процессом. «В теории познания, — учил В. И. Ленин, — как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹. Диалектика процесса познания проявляется не только в том, что знания человека о мире становятся более полными, более точными, а и в том, что в ходе познания одни знания вступают в противоречие с другими, которое в конце концов разрешается, но затем возникают другие противоречия и т. д. Известно, например, что противоречие между корпускулярной и волновой теорией света, существовавшее долгое время, было разрешено только в квантовой теории света.

В. И. Ленин всесторонне развил вопрос о том, что процесс отражения вещей в голове человека является активным, творческим, неразрывно связанным с практикой. Он показал, что в процесс познания, от его начала и до конца, вплетается практика, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»². Это значит, что процесс познания является практическим и уже в силу этого ак-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

² Там же, стр. 145.

тивным. Метафизический материализм смотрел на процесс познания, как на зеркальное отражение, лишенное возможности воздействовать на вещи и явления, как на созерцательный процесс отражения. Марксизм-ленинизм рассматривает познающего субъекта как активное существо «Познание, — писал В. И. Ленин, — есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹.

Таковы некоторые главные аспекты ленинского учения о познании как отражении внешнего мира в человеческой голове.

Надо сказать, что это учение подвергается особым нападкам со стороны буржуазных философов и современных ревизионистов. Например, западногерманский идеолог И. Фечер в своей книге «Карл Маркс и марксизм» объявляет ленинскую теорию отражения «наивным реализмом»².

Вслед за буржуазными философами ленинскую теорию отражения отвергают и современные ревизионисты. Причем можно сказать, что если в свое время махисты пытались извращать диалектико-материалистическое понимание сущности ощущений и их роли в процессе познания, то теперь противники марксистско-ленинской философии предпринимают атаки прежде всего против научного положения о том, что сознание — это отражение, познание вещей и явлений человеком.

Как мы уже говорили, современные ревизионисты отождествляют ленинскую теорию отражения с теорией познания метафизического материализма; отбрасывая последнюю как устаревшую, они тем самым предполагают, что отвергают и ленинскую теорию познания. Так, в своей книге «Марксизм XX века» Гароди начисто отбрасывает материализм XVII—XVIII вв. и в то же время превозносит Фихте, Канта, Гегеля за их положения о якобы активной, творческой деятельности человека в процессе познания. При этом Р. Гароди обвиняет ленинскую теорию познания в догматизме, заключающемся,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

² I. Fetscher. Karl Marx und der Marxismus, S. 140—144.

по его мнению, в заимствовании тезиса прежнего материализма о познании как отражении и в пренебрежении указанным наследием Фихте, Канта и Гегеля. «Основная ошибка домарксова, докритического материализма, — пишет Гароди, — состояла в его догматизме, который из-за пренебрежения *активным* характером познания всегда вынуждал его рассматривать как структуру природы в «себе» то, что являлось всего лишь тем представлением, которое мы можем создать о природе на каждом этапе развития естественных наук и техники при помощи тех материалов и понятий, которыми мы располагаем. Материализм утверждает, что природа, но не наука существует независимо от нас и без нас» (стр. 71).

В другой работе Гароди прямо ополчается против ленинских положений о познании как отражении, в частности против положения об ощущении как образе вещей. Утверждение о том, что познание есть отражение объективной реальности, устарело, заявляет Роже Гароди.

В том же духе рассуждает и югославский философ Маркович. «Теория отражения, — заявляет он, — не является типичной для марксистской философии: начиная от Демокрита, ее защищали почти все различные формы наивного реализма и механистического материализма. Эта теория несколько не выражает того нового, что Маркс внес в философию»¹. Теория отражения, утверждает также философ Д. Грлич, «разумеется, не является специальным продуктом марксистской мысли, и с ней согласятся не только материалисты... но и многие объективные идеалисты. Разве не согласится с ней Платон, который будет понимать идеи под объективными вещами, но также считать, что познавательный процесс развивается в рамках субъективного...»².

Как мы уже отмечали, современные критики ленинской теории отражения особенно ополчаются против диалектико-материалистического положения о том, что сознание есть отражение внешнего мира. Причем некоторые из них прямо не выступают против положений о том, что сознание является вторичным по отношению к

¹ *Mihailo Marković*. Humanizam i dijalektika. Beograd, 1967, стр. 129.

² «Neki problemi teorije odraza», стр. 134.

материи, что оно есть функция мозга человека и т. д. В то же время они отрицают то, что сознание есть отражение внешнего мира. Но если сознание является вторичным по отношению к материи, продуктом общественного развития, то сознание не может не быть и отражением объективного мира, а ощущения, представления, понятия и т. д. не могут не быть образами, копиями вещей.

Современные критики ленинской теории познания для доказательства того, что познание не есть отражение, обращаются к истории естествознания, пытаются фальсифицировать ее в своих целях, утверждают, в частности, что в естествознании отсутствует преемственность научных теорий. Так, они заявляют, что якобы учение Ньютона полностью опровергнуто современной физикой. Мы можем, рассуждает Гароди, признать познание отражением, но только имея в виду сложившуюся науку. И так как эта наука завтра будет опровергнута, то отражением нужно считать и проект, будущность науки.

«...Теперь, с прогрессом теории относительности и ядерной физики, — пишет А. Д. Грегор, — нет ни единого качества «вещей», которое в некотором смысле не опровергнуто. Ни длительность, ни протяженность, ни цвет, ни вкус, ни форма, ни строение, ни непроницаемость не могут предстать в качестве объективных свойств в онтологическом смысле... Ленин был вынужден утверждать, что «философия материализма» не должна приписывать каких-либо окончательных качеств воспринимаемому объекту, кроме свойства «безусловного существования вне сознания». И далее: «Если мы не можем должным образом определить что-либо из объективных свойств материи, то как мы можем сказать, что ощущения «копируют», «отражают» и «фотографируют» эти свойства?»¹.

В действительности современные критики ленинской теории познания грубо фальсифицируют развитие естествознания. Например, механика Ньютона применима и сейчас к бесконечному количеству механических явлений, в первую очередь тех явлений, на основе изучения которых она была создана. «...Мышление современных

¹ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 168.

физиков, — писал А. Эйнштейн в 1927 г., — в значительной мере обусловлено основополагающими концепциями Ньютона... То, что мы добыли до сих пор, было бы невозможно получить без ясной системы Ньютона»¹.

Современная физика указала границы применения классической механики. Появление теории относительности и квантовой механики есть процесс пополнения и уточнения естественнонаучных представлений о материи, ее свойствах и строении, о движении, времени, пространстве, причинности и т. д. Оказалось, что старые представления в общем и целом не применимы к вновь открытым областям природы, например к микромиру, а если некоторые из них и применимы, то с большими ограничениями или как предельный случай.

Следует особо подчеркнуть, что ленинское положение о том, что философский материализм связан с признанием единственного свойства материи — свойства быть объективной реальностью, не является результатом «крушения» прежних естественнонаучных представлений о строении и свойствах материи, как это утверждают критики марксистской теории познания. Это положение сформулировано В. И. Лениным в борьбе с махизмом, который непозволительно, по словам Ленина, смешивал, отождествлял философское понятие материи с естественнонаучными представлениями о строении и свойствах ее. И поскольку прежние естественнонаучные представления были подвергнуты крутой ломке, постольку махисты сделали вывод об устарелости философского понятия материи. Но, как отмечал В. И. Ленин, естественнонаучные представления создаются и развиваются не философами, а представителями конкретных наук. Эти представления со временем во многом устаревают, уточняются, в то время как философское понятие материи не может устареть никогда. Ленин доказал, что открытие ранее неизвестных конкретных видов материи и форм ее движения доказывает не исчезновение материи, а исчезновение старого предела знания материи.

Одна из причин создания неправильной картины развития естествознания и отрицания на этом основании положения о том, что сознание есть отражение внешнего

¹ Альберт Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. IV. М., 1967, стр. 80.

мира, на наш взгляд, заключается в том, что критики подходят к процессу познания не диалектически, а метафизически. Они в сущности рассуждают так: либо все понятия, выработанные представителями старой физики, должны быть применимы всегда, везде и всюду, и тогда их можно назвать «копиями», «фотографиями», либо, если этого нет, то ни одно из них нельзя считать «отражением» окружающего мира. Но, став на такую точку зрения, критики неудержимо катятся на позиции абсолютного релятивизма, приводящего к отрицанию природы, материи. Вспомним положение Гароди и о том, что «материализм утверждает, что природа, но не наука существует независимо от нас и без нас». Оно является ложным по своей сути, ибо, согласно ему, отгораживается непроходимой стеной либо природа от науки, либо наука от природы.

Дело в том, что для развития естествознания нужны талантливые и гениальные люди, нужна колоссальная экспериментальная и теоретическая работа. В этом смысле наука не существует «независимо от нас и без нас». Но естествознание невозможно без природы, объективной реальности, правильно отражающейся в естествознании, объективное содержание которого всецело определяется природой. Это объективное содержание не зависит от субъекта, существует независимо «от нас и без нас». Гароди не учитывает этого обстоятельства. Отсюда и следует вывод о том, что каждая последующая наука о природе начисто опровергает каждую предыдущую науку.

Как мы уже говорили, современные критики ленинской теории отражения отождествляют ее с теорией познания метафизического материализма. При этом они утверждают, что прежний материализм должен быть начисто отброшен как «догматический», «эмпирический», не видевший «активной роли» человека в познании окружающего мира. Иными словами, они отбрасывают все ценное, правильное, что содержится в домарксистском материализме, пытаются представить дело так, что якобы теория познания диалектического материализма возникла помимо и независимо от домарксовского материализма. Гароди, например, считает несостоятельным положение В. И. Ленина о сознании как отражении, перенятом якобы целиком от «старых» материалистов: «Это

не просто неудачная формулировка, так как этот *эмпирический* тезис высказывается в книге («Материализм и эмпириокритицизм». — А. В.), начиная с ее первых страниц, где «ощущения» определяются как «образы вещей»¹.

Конечно, материализм XVII—XVIII вв. имел свои недостатки. Впервые глубокую научную критику старого материализма дали К. Маркс и Ф. Энгельс. Эта критика была продолжена В. И. Лениным. Вместе с тем классики марксизма отмечали то положительное, что содержится в нем, в том числе в его теории познания, и в частности положение о том, что отправной точкой познания является отражение. Создавая свою философию, К. Маркс и Ф. Энгельс использовали все ценное, что было в прежнем материализме, в том числе и в теории познания. Дальнейшее развитие эта теория получила в трудах В. И. Ленина. Поэтому попытки отождествить марксистско-ленинскую теорию познания с теорией познания метафизического материализма несостоятельны.

Современные критики ленинской теории отражения утверждают также, что теория познания марксизма не должна называться теорией отражения, ибо в положении о сознании как отражении нет ничего специфически познавательного, так как свойством отражения обладают и животные, и даже тела неорганической природы². И поскольку, рассуждают они, отражение в неорганической природе не является познанием, то постольку не является познанием и отражение объективного мира в сознании человека. «...Свойство отражения, — говорит, например, Маркович, — не является типичным для человеческого сознания. Также теория отражения не является типичной для марксистской философии»³.

Отражение, рассуждает Маркович, «не является специфической характеристикой человеческого сознания; восприятия животных, рефлексы растений и даже взаимодействие объектов неорганической природы являются

¹ Roger Garaudy. Lénine. Paris, 1968, p. 37—38 (курсив наш. — А. В.).

² Во многом обстоятельная критика этих высказываний уже дана А. П. Шептулиным в главе IV первого раздела книги «Ленинская теория отражения и современность».

³ «Neki problemi teorije odraza», str. 140.

также своеобразным отражением»¹. Как заявляет Петрович, согласно Ленину, «вся наша духовная жизнь по существу — отражение, а все формы нашего сознания суть только разные виды субъективного отражения объективной действительности. Но сознание не является единственным источником отражения; материя также имеет свойство, сходное с ощущением, свойство отражения. Отражение — это общее свойство материального мира...»².

В чем же состоит несостоятельность утверждений о том, что познание не есть отражение, поскольку отражением является не только сознание? Следует отметить, что впервые именно В. И. Ленин указал на наличие в неживой природе свойства отражения, сходного с ощущением. Однако он, анализируя данные науки и практики, показал, что высшей формой отражения является сознание, в частности абстрактное мышление, как функция, свойство не вообще материи, а высокоорганизованной материи, т. е. головного мозга человека. В отличие от форм отражения, имеющих в природе, в том числе у высших животных, в сознании отражаются не только внешние, но и внутренние существенные свойства и признаки предметов и явлений, законы развития окружающего мира.

Кроме того, в сознании отражается положение самого человека в природе и обществе. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что сознание есть осознание человеком своего бытия.

Конечно, сознание имеет некоторые общие черты с другими формами отражения. Но это не дает никаких оснований отождествлять его с этими формами, тем более вообще не считать его отражением, как это делают современные критики марксизма.

Таким образом, сознание есть отражение вещей и явлений в голове человека. Отрицание же познавательного значения сознания в конечном итоге приводит Гароди, Марковича и других к агностицизму. Утверждая, что познание не есть отражение вещей в сознании, Петрович, например, заявляет, что это доказывается тем, что в сознании содержатся также понятия, суждения,

¹ М. Marković. Humanizam i dijalektika, str. 129.

² G. Petrović. Filozofija i marksizam, str. 252.

которые являются правильными, очевидными, но ничего не отражающими, например: «нет кентавра», «нет круглого квадрата» и т. п.¹

На самом деле данные суждения являются как раз примером правильного отражения объективного мира: действительно не существуют кентавры, круглые квадраты и т. п. И это отражается в вышеуказанных суждениях. К этому следует добавить, что подобные суждения являются лишь дополнительными к тем, которые прямо отражают материальные объекты.

Как утверждают современные критики марксизма, познание нельзя считать отражением объективного мира и потому, что в сознании есть суждения о прошлом и будущем, причем эти суждения ничего не отражают, ибо прошлого уже нет, а будущего еще нет².

Но этот довод также несостоятелен, поскольку научное предвидение о будущем основано на знании законов развития, действующих сегодня, на точном, правильном определении тенденции развития. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс сто с лишним лет назад научно доказали, что капитализм уступит свое место социализму. Ныне народы социалистических стран являются активными участниками претворения в жизнь этого предвидения основоположников марксизма. Отрицать научное отражение прошлого и будущего — значит, по существу, пытаться идеологически разоружить подлинно марксистско-ленинские партии, рабочий класс, трудящиеся массы в борьбе против буржуазной идеологии, за установление диктатуры пролетариата, за построение социализма и коммунизма.

Пытаясь доказать, что познание не есть отражение вещей в сознании, Петрович, например, заявляет: «Когда я говорю, что оно (отражение. — А. В.) не совместимо с явлением сознания, то думаю, что оно нам не может объяснить, почему, в каком смысле и каким образом все наши сознательные действия отражают действительность. Что отражает воля и эмоция? Разве любовь, ненависть, зависть, злоба являются различными формами отражения внешних предметов, на которые они направлены?»³

Но ясно, что даже если бы эмоции и воля не были

¹ G. Petrović. Filozofija i marksizam, str. 255.

² Там же.

³ Там же, стр. 254.

отражением действительности, то на этом основании нельзя тем не менее отрицать положение о том, что сознание есть отражение внешнего мира, ибо в сознание включаются не только эмоции и воля. А самое главное состоит в том, что эмоции и воля также есть отражение, именно отражение условий жизни людей, экономических отношений, в которых одна часть людей находится по отношению к другой части, и т. д., т. е. в конечном счете отражение объективной действительности.

Один из противников ленинской теории отражения, Х. Б. Эктон, заявляет, что если бы сознание было отражением внешнего мира в виде образов или копий, то человек не мог бы отделить правильные копии от неправильных. «Если воспринимающий субъект, — пишет он, — никогда не имеет непосредственного доступа к материальным реальностям, которые существуют вне его, а имеет доступ только к копиям, которые они производят в нем, то он не может знать, какие копии истинны и какие ложны, какие сходны и какие не сходны с их оригиналами»¹.

Это утверждение Эктона свидетельствует о непонимании им диалектики процесса познания, о представлении практики в субъективно-идеалистическом, юмистском, махистском духе как переживаний субъекта. В. И. Ленин показал, что водоразделом между диалектическим материализмом и идеализмом в трактовке практики может служить ответ на вопрос, дана ли в практике человека объективная реальность? Субъективно-идеалистическая философия отвечает на этот вопрос отрицательно. Диалектический же материализм отвечает на этот вопрос положительно, а именно, что практика — это деятельность людей, в ходе которой они воздействуют на объективный, материальный мир и преобразуют его. Марксистская философия включила практику в теорию познания в качестве основы познания и критерия истины. Подобное понимание практики является одним из величайших достижений марксистской философии, одним из коренных отличий марксистско-ленинской философии от различного рода субъективно-идеалистических учений.

¹ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 169.

Одним из основных аргументов критиков ленинской теории отражения является следующий. Признание познания как отражения вещей в голове человека тождественно, заявляют они, отрицанию творческого, активного характера процесса познания. «Отражение, — говорит, например, Маркович, — не является типичным для человеческого сознания потому, что отражение имеет место и в сознании [?] животных. Но для человеческого сознания и отношения человека к миру типичным является то, что это отношение творческое, активное, практическое»¹.

Возникает вопрос: что означает утверждение о том, что для сознания является типичным не отражение, а творческий, активный, практический характер? Либо то, что человек выдвигает одну гипотезу за другой, составляет различные схемы безотносительно к тому, существует внешний мир или нет, либо то, что человек в ходе практической деятельности создает вещи и предметы и тем самым познает их, либо нечто третье? Четких ответов на эти вопросы критики марксистско-ленинской теории познания не дают. Несомненно одно, что в вышеприведенных рассуждениях Марковича противопоставляется положение о познании как отражении положению о творческом, активном, практическом характере познания. Ясно также и то, что это противопоставление является искусственным, надуманным.

Как известно, согласно ленинской теории познания, процесс отражения внешнего мира в голове человека органически связан с активной творческой, практической деятельностью человека². Как писал Ф. Энгельс, «разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»³. Для того чтобы познать вещь, человек должен включить ее в непосредственную практическую деятельность, изменить ее. В то же время познание есть процесс отражения этой вещи в голове человека, ибо в нем человек приобретает какие-то достоверные знания об этой вещи.

Активность познания на ступени абстрактного мышления характеризуется В. И. Лениным следующим обра-

¹ «Neki problemi teorije odraza», str. 140.

² По этому вопросу см., например: В. М. Подосетник. Ленинская теория отражения и проблема активности субъекта в познании. — «Ленин как философ». М., 1969.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

зом: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы... и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»¹.

Как видно, В. И. Ленин не противопоставлял активный характер абстрактного мышления отражению вещей. Кроме того, активный характер абстрактного мышления определяется живым созерцанием, в целом всей практической деятельностью человека.

Познание как отражение тесно связано с практикой как целью познания. Познание окружающего мира человеком осуществляется для того, чтобы на основе знания открытых законов развития внешнего мира осуществлять свою практическую деятельность. Классики марксизма-ленинизма доказали, что люди успешно могут изменять внешний мир только в том случае, если они знают законы его развития. «Законы внешнего мира, природы, подразделяемые на *механические* и *химические* (это очень важно), суть основы *целесообразной* деятельности человека»², — писал Ленин. Процесс отражения вещей и явлений в голове человека неразрывно связан с практикой, творчеством. Ленин отмечал, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»³. Причем это творение мира является не произвольным, а основано на достоверных знаниях об этом мире. Творить мир — это значит изменять мир, опираясь на знания объективных законов его развития.

Таким образом, современные критики ленинской теории познания совершенно неправоммерно противопоставляют положение о сознании как отражении положению о творческой, практической деятельности людей в процессе познания, искажают марксистские взгляды на связь теории и практики, по сути дела идут по пути отрицания теории познания марксизма-ленинизма.

В связи с этим надо сказать, что абсолютно несостоятельны утверждения современных противников ленин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163—164.

² Там же, стр. 169.

³ Там же, стр. 194.

ской теории познания о том, что эта теория якобы противоречит Марксову пониманию процесса познания. Так, Животич, пытаясь использовать в своих целях некоторые ранние работы К. Маркса, приписывает ему взгляды, что природа не существует без человека, что диалектика есть диалог человека с природой, и по сути дела превращает Маркса в идеалиста. Тем самым Животич искажает существо теории марксизма. К. Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Здесь выражена суть теории отражения, а именно: материальное существует вне и независимо от человека, идеальное (сознание) есть отражение материального в человеческой голове.

Таким образом, подытоживая взгляды Гароди, Петровича и других критиков на сущность познания, можно сказать, что, по их мнению, процесс познания не есть процесс отражения внешнего мира в голове человека.

Но в чем же тогда, с точки зрения этих критиков, состоит процесс познания? Этот процесс они понимают довольно своеобразно. Например, Гароди пишет: «Отражение... это не исходный пункт... а плод длительного труда по построению целого ряда «проектов», «моделей», гипотез, с помощью которых мы активно вопрошаем вещи, соглашаясь с тем, что они опровергают, и, изменяя отправную гипотезу, целиком перестраиваем наши знания (как это сделал Ньютон, отказавшись от представлений Птолемея, или Эйнштейн, отбросив физическую систему Ньютона и даже геометрию Евклида)» (стр. 72).

Иными словами, отражение не является исходным пунктом познания, процесс познания состоит в составлении схем, проектов, выдвижении гипотез, что приводит в конце концов к полной перестройке знаний, по существу к полному их обновлению. Затем цикл познания

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

начинается снова. Надо сказать, что в данном рассуждении Гароди неправомерно употребляет понятие «вещи», ибо именно отражение вещей, объективной реальности является начальным пунктом, предпосылкой познания.

«Познание, — пишет Гароди, — является одновременно отражением в качестве уже сложившейся науки и *проектом* в качестве науки, находящейся в процессе становления» (стр. 72, разрядка наша. — А. В.). Но возникает вопрос, а как же сложившаяся наука или ее проект могут быть отражением объективно существующих предметов и явлений, если исходный пункт познания не представлял собой отражения объективного мира? Здесь напрашивается вывод, что это может быть лишь в том случае, если представлять процесс-формирования науки как произвольное ее конструирование человеком. В таком случае подобное понимание науки неправомерно распространять на механику Ньютона и геометрию Евклида.

Как пишет Гароди, «согласно Марксу и Ленину, в материалистическом моменте познания определяющую роль играет критерий практики, критерий проверки опытом гипотез, наших моделей...» (стр. 56). Но в то же время, как мы уже видели, тот же Гароди утверждает, что отражение не является отправной точкой познания. Совершенно очевидно, что эти положения противоречат друг другу. В самом деле, как же может практика являться только критерием истины и не являться ни исходным пунктом, ни основой познания, не быть связанной с самого начала познания с отражением вещей в голове человека?

В корне исказив представление о процессе познания, критики марксизма превратно представляют также соотношение живого созерцания и абстрактного мышления. Особое место они отводят доказательству якобы ложности, бессмысленности марксистско-ленинского положения о том, что ощущение есть субъективный образ объективной реальности. Ведь если будет доказано, что первая, простейшая форма отражения — ощущение не отражает объективный мир, то, следовательно, ничего не отражают и другие, более высшие формы, ничего не отражает и сознание в целом.

«Первая трудность, — пишет, например, Грегор, — возникает из рассмотрения простых предикатов, которые

должны определять объекты внешнего мира; что мы имеем в виду, например, когда мы говорим о вещи, что она красная? Красный цвет, который мы осознаем, не может быть представлен в сколько-либо важном значении, как «копия», «отражение» или «фотография» световой волны длиной в 647—760 миллионных долей миллиметра»¹.

Итак, ощущение красного цвета не есть копия, образ электромагнитных колебаний с одной длиной волны, ощущение зеленого цвета не есть копия этих колебаний, но уже с другой длиной волны и вообще ощущение не есть субъективный образ объективной реальности. Ощущения, утверждают критики ленинской теории познания, нужно рассматривать как сигналы, условные знаки, говорящие, что такие-то и такие-то вещи существуют, но какие они есть, нам неизвестно. «Если мы считаем, — пишет Грегор, — что ощущение имеет субъективную форму и объективное содержание в вышеприведенном смысле, то можем ли мы сказать определенно, что ощущения «отражают», «изображают», «фотографируют» реальность? Не будет ли более правильным сказать, что ощущения в лучшем случае «сигнализируют» о «реальности» (то есть о световых волнах, электронах, фотонах и т. д.), которая может быть выведена только посредством последующего концептуального анализа и логического конструирования?»²

Несостоятельность этого рассуждения Грегора состоит в том, что ощущение нельзя рассматривать как физический образ, физическую фотографию. Ощущения по форме субъективны, так как они образуются в голове человека.

Качественное различие между вещью и образом вещи заключается не только в том, что первая материальна, а образ идеален, но и в том, что первая всегда богаче содержанием, второй беднее. Если ощущения не были бы образами вещей, а были бы сигналами, условными знаками их, то человек не мог бы даже биологически приспособиться к среде, не говоря уже о более сложной его деятельности. Именно поэтому В. И. Ленин утверж-

¹ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 165.

² См. там же, стр. 166.

дал, что ощущения дают человеку объективно-правильное представление о среде¹, что они есть образы, снимки, слепки вещей и явлений внешнего мира.

Поэтому неправомерно представлять субъективность ощущений как отсутствие связи ощущений с внешним миром. Ощущения есть субъективный образ. Это значит, что они возникают в голове человека, субъекта. Но они имеют объективное содержание, наличие которого доказывается практикой.

Согласно диалектическому материализму, живое созерцание неразрывно связано с многообразной практической деятельностью людей, направленной на преобразование окружающего мира. Одной из основных составных частей практики являются научные эксперименты, которые во многих случаях воспроизводят черты микроявлений, непосредственно несоизмеримые с макроявлениями. В экспериментах используются приборы и средства, во много раз усиливающие органы чувств человека. Например, одной из основных экспериментальных установок, позволяющих проникать в тайны микромира, являются ускорители элементарных частиц. Ускоритель — это сравнительно недавно появившаяся и стремительно усложняющаяся экспериментальная установка. Ускоритель в г. Серпухове дает частицы с энергией в 70 Гэв. Физики уже сейчас видят необходимость создания ускорителей на 1000 и более Гэв. Причем ускоритель для изучения структуры электрона, частицы, которая была открыта первой, должен обладать большей мощностью, чем ускорители для изучения других элементарных частиц. Сооружение такого ускорителя пока находится далеко за пределами возможностей современной техники.

Качественное изменение экспериментов, развитие живого созерцания идет и другими путями. В частности, резко увеличилось количество теоретических открытий, особенно в физике, опирающихся на результаты исследований в других областях науки. Здесь можно говорить об увеличении роли «опосредованного» живого созерцания. Известно, что, например, французский физик Луи де Бройль в 1924 г. теоретически доказал наличие волновых свойств у микрочастиц вещества, в том числе электронов, и тем заложил основы квантовой механики.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 185.

Открытие Луи де Бройля было подтверждено экспериментально только через три года. Получается, что научное понятие «волновые свойства частиц вещества» появилось раньше, чем эти свойства были открыты в природе. Однако дело, на наш взгляд, заключается в том, что Луи де Бройль как бы опирался в процессе своего открытия на квантовую теорию света, трактующую фотоны как единство волновых и корпускулярных свойств. Но ведь у истоков квантовой теории света находилось живое созерцание и эксперимент, воочию показывавшие, что у света в широком смысле слова имеются и волновые, и корпускулярные свойства, находящиеся в единстве, о которых порознь ученым было уже известно. Следовательно, Луи де Бройль фактически опирался на живое созерцание и на практику в своей творческой работе, но опосредованно. Трудно сказать, открыл бы он волновые свойства электрона, не опираясь на квантовую теорию света и опыт, из которого она вытекала.

Почему же возможны случаи открытия новых объектов и их свойств на основе данных о ранее открытых объектах и их свойствах? Это возможно в тех случаях, когда вновь открываемые объекты имеют много общих сторон, свойств, признаков со сторонами, свойствами и признаками ранее открытых объектов, когда вновь открываемые объекты и ранее открытые относятся или к одному и тому же виду движущейся материи, или к близко стоящим друг к другу по своим качествам видам материи. Известно, например, что планета Нептун была открыта вначале теоретически, а именно: при обнаружении «неправильностей» в движении планеты Уран был сделан вывод о существовании еще одной планеты Солнечной системы. Позднее эта планета была обнаружена экспериментально. Точно так же анализ движения электрона позволил предсказать существование позитрона. И подобных примеров можно привести много.

Таким образом, живое созерцание является исходным пунктом и основой познания. И в настоящее время актуальным остается ленинское положение о том, что «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем...»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 320.

Критикуя махиста Юшкевича, который утверждал, что «положения» не выводятся из опыта, что, наоборот, «научный опыт только и возможен благодаря тому, что они кладутся в основу исследования»¹, В. И. Ленин писал: «Это — сплошная галиматья, ибо если бы сей субъект имел хоть чуточку уважения к печатному слову, то он видел бы *идеалистический* вообще и *кантианский* в частности характер идеи о том, будто могут быть положения, не из опыта взятые, и без которых невозможен опыт»².

Как мы видели, по мнению критиков ленинской теории познания, живое созерцание не есть отражение внешнего мира. Но может быть, объективный мир отражается в абстрактном мышлении? Нет, и этого не признает, например, Гароди. Хотя он и употребляет термин «отражение» в применении к абстрактному мышлению, но при этом извращает марксистско-ленинское понятие «отражение». «Таким образом, — пишет он, — остается справедливым, что познание *по своей природе* является «отражением» в том смысле, что оно является познанием действительности, не являющейся нашим творением, и вместе с тем, что *по своему методу* оно представляет собой «конструкцию».

Понятие «модели» позволяет выделить два основных момента марксистской теории познания: материалистический момент отражения, исключая для нас идеалистическую, гегельянскую иллюзию, которая смешивает наше понятийное воспроизведение действительности с ее подлинным строением, и *активный* момент, момент конструкции, исключая для нас догматическую иллюзию, которая смешивает эту временную модель с абсолютной и окончательной истиной» (стр. 60).

Как видно, на ступени абстрактного мышления хотя познание и трактуется им как отражение, но не отражение объективного мира, как он существует сам по себе.

Критики ленинской теории отражения извращенно толкуют и соотношение чувственного познания и абстрактного мышления, не признают чувственного познания. Об этом, в частности, свидетельствуют вышеприведенные рассуждения Грегора о том, что ощущения в лучшем случае сигнализируют о реальности, которая, по

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 179.

² Там же, стр. 179—180.

его мнению, может быть выведена только посредством последующего концептуального анализа и логического конструирования. Выходит, что ощущения не содержат в себе никаких истинных данных о вещи, кроме одного, а именно, что она, вещь, существует. И лишь в процессе логического мышления человек узнает и другие данные об этой вещи.

* * *

Как известно, В. И. Ленин внес большой вклад в развитие марксистского учения о диалектике процесса познания внешнего мира. Классическая ленинская формула гласит: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»¹.

Опираясь на данные естествознания, В. И. Ленин показал, что ощущение есть результат воздействия вещей и явлений на органы чувств человека, превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Без воздействия вещей и явлений на органы чувств человека нет ощущений. Ощущение есть свойство, функция, продукт высокоорганизованной материи, т. е. головного мозга человека; как указывал Ленин, ощущение является отражением вещей в голове человека в виде образов. В работах Ленина, и особенно в книге «Материализм и эмпириокритицизм», подчеркивается мысль о том, что ощущение есть образ, копия вещей, именно образ, а не символ, не условный знак. «Ощущение, — отмечал Ленин, — есть субъективный образ объективного мира...»² Тем самым подчеркивается единство объективного и субъективного в ощущениях. Ленин показал также, что ощущение есть первая, начальная, но необходимая форма отражения отдельных свойств, признаков вещей, без наличия которой не могут иметь место все другие, более высокие по отношению к ощущению формы. «Ощущение есть образ движущейся материи. Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем...»³

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 120.

³ Там же, стр. 320.

В. И. Ленин всесторонне развил вопрос о роли абстрактного мышления в познании. Он указывал, что мышление, восходя от конкретного (чувственного познания) к абстрактному, если оно правильно, не отходит от истины, а, наоборот, приближается к ней. «Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹, — писал Ленин. Только в процессе абстрактного мышления познается сущность — внутренняя, главная сторона вещи, познаются законы движения и развития вещей.

Как мы уже говорили, чувственное познание — это непосредственное познание вещей с помощью пяти органов чувств. В окружающем нас мире нет таких сторон, свойств, признаков вещей, которые так или иначе не отражались бы имеющимися органами чувств человека. К тому же человек может усиливать свои органы чувств с помощью приборов. Так, электронный микроскоп и микропроектор увеличивают предметы в сотни тысяч раз, что позволяет рассмотреть даже части сложных органических молекул. Современный телескоп дает возможность «заглянуть» в дали, отстоящие от человека на расстоянии сотен миллионов световых лет, а крупнейший в СССР радиотелескоп — до 10 миллиардов световых лет.

Возникает вопрос: какая сторона действительности — внешняя или внутренняя — раскрывается в ходе чувственного познания? В нашей философской литературе отсутствует единая точка зрения по этому вопросу. Некоторые авторы считают, что чувственное познание — это познание как внешней, так и внутренней стороны вещей, предметов, причем знания об этих сторонах на данной ступени познания слиты вместе, не отделены друг от друга. По нашему мнению, живое созерцание представляет собой познание внешней стороны действительности, свойств, признаков вещей и предметов, знания о которых не содержат данных о сущности вещей, законах их развития. Живое созерцание дает материал для обобщения, теоретического мышления, результатом которого является знание сущности вещей, законов их развития.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152.

Абстрактное мышление является уже опосредованным познанием. В процессе абстрактного мышления анализируются данные, полученные на ступени чувственного познания, происходит отвлечение от неглавного, единичного, поверхностного, с тем чтобы познать главное, внутреннее.

Мы уже видели, что чувственное познание, живое созерцание связано непосредственно с практической деятельностью человека. Основой абстрактного мышления тоже является практика. В. И. Ленин, разбирая «Капитал» Маркса, указывал: «Проверка фактами *respective*¹ практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»². Эти положения Маркса и Ленина относятся к изучению любого материального объекта, а не только общества.

Важная роль абстрактного мышления заключается в том, что оно вскрывает сущность вещей, их главную сторону, приводит к познанию законов развития. Обнаружение закономерностей развития внешнего мира является в конечном итоге основной задачей всякого познания, ибо, не зная этих закономерностей, нельзя целесообразно действовать, изменять объективный мир.

Живое созерцание и абстрактное мышление находятся в единстве. Как мы уже говорили, чувственное познание дает материал для абстрактного мышления. Переход от живого созерцания к абстрактному мышлению есть скачок, переход знаний одного качества в знания другого качества, а именно: знания о явлении, внешней стороне вещи, единичном, неглавном, непосредственные знания превращаются в знания о сущности, главной, внутренней стороне вещи, об общем, в знания опосредованные, в знания о законах движения и развития. Причем количество данных, накопленных в ходе чувственного познания, должно быть достаточным для такого перехода и в то же время не должно быть бесконечным. Если бы исследователи не ограничивали себя в сборе материалов, то они не пришли бы никогда к теоретическим выводам. На это обстоятельство неоднократно указывал Ф. Энгельс. В самом деле, если бы Дарвин не ограничил себя в сборе материалов о живой природе, он не создал бы теорию происхождения видов. Буржуазные

¹ Соответственно. — *Ред.*

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 302.

идеологи нападали на Маркса за то, что он опирался в своем исследовании капитализма на материалы о его развитии главным образом в одной стране — в Англии. Но, как указывал Ленин, «сумму всех... изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов». Однако, писал Ленин, Марксом «открыты законы этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений...»¹.

Таким образом, можно сказать, что без фактов нет обобщений. Но в то же время без абстрактного мышления нет и сбора фактов. Любой сбор материала в области науки целенаправлен, а в конечном счете определяется практикой. Без абстрактного мышления нет науки, ибо данные чувственного познания сами по себе — это груда фактов, это еще не наука. Объективной основой единства чувственного познания и абстрактного мышления является неразрывная связь явления и сущности в самом внешнем мире.

Рассматривая проблему соотношения чувственного познания и абстрактного мышления, нельзя не остановиться на некоторых неправильных толкованиях роли в познавательном процессе живого созерцания и абстрактного мышления.

Как мы помним, В. И. Ленин, характеризуя процесс познания, указывал, что диалектический путь познания истины, познания объективной реальности идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Здесь признается как необходимость, как закон наличие живого созерцания и абстрактного мышления, устанавливается их последовательность в процессе познания, подчеркивается важнейшая роль практики в познании объективной реальности.

Между тем некоторые зарубежные естествоиспытатели, в частности физики, считают, что познать природу можно чисто логическим путем, т. е. только на ступени абстрактного мышления, не прибегая к живому созерцанию. Так, английский астрофизик А. Эддингтон утверждал, что Вселенная является системой «физических величин», фабрикуемых мыслящим субъектом посредством произвольно вводимых им процедур измере-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

ния. При этом не требуется даже производить экспериментальные измерения, ибо, по мысли Эддингтона, в них содержится только то, что по собственной воле вложил в теоретическую схему процедур измерения выдумавший их теоретик¹.

Возможность чисто логического познания природы иногда допускал и А. Эйнштейн. По его мнению, логическую основу науки можно создать, не обращаясь к опыту, который нужен только для проверки теорем, вытекающих из этой основы.

Но в целом Эйнштейн все же правильно понимал соотношение абстрактного мышления и живого созерцания. «...Мышление само по себе, — писал он, — никогда не приводит ни к каким знаниям о внешних объектах. Исходным пунктом всех исследований служит чувственное восприятие. Истинность теоретического мышления достигается исключительно за счет связи его со всей суммой данных чувственного опыта»².

Надо сказать, что некоторые советские философы утверждают, что ленинская формула, приведенная выше, раскрывает структуру познавательного процесса, в частности соотношение в нем живого созерцания и абстрактного мышления, в плане истории развития познания, в плане, если можно так сказать, филогенеза, а не онтогенеза. Доказательством этому является якобы тот факт, что нет чистого чувственного познания, что последнее пронизано абстрактным мышлением, и это, по их мнению, подтверждается современной физикой и другими науками о природе³.

Характеризуя современное состояние естествознания, прежде всего физики, П. В. Копнин писал: «Изменился и путь науки к новым результатам. Как правило, в прежнем естествознании опыт предшествовал новому теоретическому построению. Теперь же нередко опыт выступает только звеном в процессе проверки теоретического построения, которое возникает часто путем экстраполяции прежних теоретических принципов, вы-

¹ См. «Ленин как философ», стр. 214.

² А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. IV, стр. 320.

³ См. «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода». М., 1964, стр. 96, и др.

движения разумом новых понятий»¹. Далее П. В. Копнин утверждал, что теперь «понятия науки не возникают путем вывода из данных опыта, но опыту принадлежит решающая роль в их укреплении», что «опыт не формирует содержание понятий и принципов современной науки, но утверждает их, служит их некоторым оправданием»².

В связи с этим встают следующие вопросы: откуда черпает или в будущем будет черпать материал абстрактное мышление для выработки понятий, принципов науки? можно ли понятия и принципы считать достоверными понятиями и принципами науки, если еще неизвестно, подтвердит ли практика их истинность, не являются ли они всего лишь гипотетическими?

Критику недооценки роли живого созерцания в познании дал, например, М. М. Розенталь³. Вместе с тем, на наш взгляд, вопрос о соотношении живого созерцания и абстрактного мышления требует своего дальнейшего обсуждения.

Действительно, в современных условиях постоянно повышается роль абстрактного мышления в познании. Современная наука открыла такие объекты микромира, с которыми трудно или даже невозможно сопоставить объекты из области макромира; например, нельзя наглядно представить элементарную частицу как единство корпускулярных и волновых свойств. Такое свойство электрона, как, например, спин, условно сопоставляется со свойством веретена, волчка вращаться вокруг своей оси; в то же время известно, что спин не является механическим свойством. Все эти и подобные объекты получают свое отражение в понятиях, принципах, теориях, но более абстрактных, чем прежние понятия, и т. д.

Возрастанию степени абстрагирования в науке способствует усиленное проникновение методов математики

¹ П. В. Копнин. Логические основы современной науки. — «Общие проблемы диалектики и логики современного естествознания». Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 г.), вып. 1. М., 1966, стр. 11.

² Там же, стр. 12—13.

³ См. М. М. Розенталь. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие. — «Ленинская теория отражения и современная наука». Материалы совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7—9 апреля 1965 г. М., 1966, стр. 37—43.

в конкретные науки. Причем сами эти методы постоянно развиваются. Например, в XIX в. математическая часть естественных наук отражала, как правило, функциональные зависимости величин. В квантовой же механике имеются квантовые операторы, которые указывают на то, какие операции необходимо совершить с рядом функций. Математика ныне играет в естествознании эвристическую, предсказательную роль. Так, английский физик П. Дирак в 1928 г., решая уравнение движения электрона, пришел к выводу о существовании частицы, во всем похожей на электрон, но в отличие от электрона несущей положительный электрический заряд. В 1932 г. такая частица, получившая название позитрона, была открыта экспериментально.

В познании объективного мира резко возросла также роль моделирования, в том числе идеального. Идеальная модель какой-то вещи или какого-то явления еще не есть образ вещи, явления, но она нередко ведет к получению этого образа.

Рассматривая вопрос о развитии абстрактного мышления, на наш взгляд, следует учитывать и то, что современное естествознание включает в себя во много раз больше, чем раньше, гипотез, идеальных моделей и т. п., нередко выдвинутых или созданных в связи с изучением одних и тех же объектов. Имеются, например, гипотезы, согласно которым элементарные частицы состоят либо из кварков и антикварков, либо порождаются праматерией, либо образованы из «керна» (ядра) и оболочки и т. д.

Выдвижение нескольких гипотез и создание разных моделей в связи с изучением одних и тех же объектов — это вполне объяснимое явление: изучаются объекты, непосредственно не действующие на органы чувств человека, т. е. объекты, которые гораздо труднее поддаются изучению, нежели те, с которыми ученые имели дело раньше. Наличие многих гипотез и моделей в современном естествознании создает видимость огромнейшего перевеса абстрактного мышления над живым созерцанием. Следует сказать, что Гароди и другие критики ленинской теории отражения неправильно представляют себе основания, мотивы выдвижения гипотез и построения моделей. Например, по мнению Гароди, преобладающими или даже единственными формами существования

естествознания являются гипотезы и модели. Согласно взглядам Гароди, естествознание развивается следующим путем. Выдвигается гипотеза, которая существует какой-то промежуток времени, затем эта гипотеза заменяется другой, соответственно этому знания перестраиваются целиком; вторая гипотеза сменяется третьей и т. д. Причем, по его мнению, эти схемы, модели, гипотезы по существу есть плод чистой мыслительной работы ученого. В действительности любая научная гипотеза, т. е. научно обоснованное предположение о неизвестном объекте, модель имеют под собой пусть неполные, отрывочные, непосредственные или опосредованные, но достоверные объективные данные.

Ф. Энгельс указывал, что формой *развития* естествознания является гипотеза. Существует же естествознание в основном в форме научных понятий, законов науки, научных теорий и т. д. «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, — писал Ф. Энгельс, — является *гипотеза*. Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон»¹.

Например, на основе метода модельных гипотез, применяемого в физике, в свое время предполагалось, что всякое тело построено из отдельных частиц (атомов), движущихся и взаимодействующих по законам механики, и на этой почве создавалась кинетическая теория вещества, весьма успешно объясняющая многие механические и тепловые свойства тел. «На основе метода модельных гипотез, — указывал С. И. Вавилов, — выросла классическая теория тепла, света и звука»².

Ясно, что модельные гипотезы возникли не на почве чистой мысли, а основывались на опытных данных. Еще до выдвижения этих гипотез было известно, что в мак-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 555.

² С. И. Вавилов. Собр. соч., т. III. М., 1956, стр. 156.

ромире действуют законы механики, вещество состоит из атомов и т. д.

В свое время В. Гейзенберг и советский ученый Д. Д. Иваненко предложили гипотезу, согласно которой ядро атома состоит из протонов и нейтронов. К моменту выдвижения этой гипотезы было установлено существование таких частиц, как электроны, протоны и нейтроны, было известно, что точка зрения, согласно которой в ядро атома входит и электрон, противоречит экспериментальным данным и т. д. Сейчас бывшая гипотеза является уже теоретически доказанным положением.

В настоящее время предложено несколько моделей строения элементарных частиц. Каждая из них основана на определенных данных, являющихся результатом экспериментов и теоретических рассуждений. Для дальнейшего успешного изучения элементарных частиц, как указывают советские ученые В. С. Барашенков и Д. И. Блохинцев, нужны очень сложные ускорители, «понадобятся новые эксперименты, вскрывающие специфику более глубоких областей»¹.

Из всего сказанного следует вывод, что ленинские положения о познании как отражении вещей в человеческой голове, о соотношении чувственного познания и абстрактного мышления не только не устарели, но получают все новые и новые подтверждения.

Но как мы видели, критики ленинской теории познания отрывают абстрактное мышление от живого созерцания, отрицают положение о познании как отражении вещей в человеческой голове. В чем же причины подобных взглядов?

Видимо, причин здесь несколько. Например, отрицание роли живого созерцания в процессе познания, на наш взгляд, отчасти объясняется тем, что бурное развитие науки в период научно-технической революции иногда отождествляется только с развитием абстрактного мышления, что игнорируется *развитие* живого созерцания.

Однако к решению поставленного вопроса можно и нужно подойти с общих, принципиальных, мировоззрен-

¹ В. С. Барашенков, Д. И. Блохинцев. Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике. — «Ленин и современное естествознание», М., 1969, стр. 183.

ческих позиций. Как мы неоднократно отмечали, критики ленинской теории отражения заявляют, что они хотят представить процесс познания как активный, творческий, практический, и апеллируют к идеалистической философии Канта, Фихте, Гегеля. Но как известно, именно К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин впервые в истории философии с научных, диалектико-материалистических позиций разработали вопрос об активности субъекта в познании.

Таким образом, в решении одного из очень важных вопросов теории познания современные критики марксизма идут вслед за идеалистами, в том числе агностиками (Кант) XVIII и XIX вв.

Согласно Гароди, ученый, создавая модели, выдвигая гипотезы, составляя схемы, как бы произвольно конструирует объекты познания. По существу он следует здесь за буржуазными философами и некоторыми «физическими» идеалистами. Так, неопозитивист Г Маргенау в книге «Открытые горизонты»¹ пытается доказать, что будто элементарные частицы ученый конструирует в своем сознании, а затем уже находит аналог им в природе. Свои выводы он подкрепляет тем, что некоторые элементарные частицы были открыты, как говорят, на «кончике пера». Но как мы уже показывали, подобные выводы являются несостоятельными, ибо абстрактное мышление, не опирающееся на данные живого созерцания, — это миф, идеалистическая выдумка, проявление априоризма в теории познаний.

¹ *Henry Margenau. Open Vistas. Philosophical Perspectives of Modern Science. New Haven, 1961.*

Глава III

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА ОБ ИСТИНЕ И ЕЕ КРИТЕРИИ СОВРЕМЕННЫМИ БУРЖУАЗНЫМИ ФИЛОСОФАМИ И РЕВИЗИОНИСТАМИ

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в истории философии подошли к решению проблемы истины с диалектико-материалистических, научных позиций. Они показали, что истина не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное, она изменяется, обогащается, наполняется все новым и новым содержанием. Классики марксизма разработали также вопрос о критерии истины. Критерием истины, согласно Марксу и Энгельсу, является практика, взятая в ее полном объеме, включающая в себя производство материальных благ, классовую борьбу, научный эксперимент и т. д.

Огромнейший вклад в решение проблемы истины и ее критерия внес В. И. Ленин. Он развил вопросы об объективной истине, о соотношении абсолютной и относительной истины, о конкретности истины, о роли практики в процессе познания.

Вопрос об истине всегда был одним из центральных в борьбе двух основных направлений в философии — материализма и идеализма. Если Маркс и Энгельс основное внимание были вынуждены обратить на преодоление материалистически-метафизического толкования истины, то Ленин в эпоху империализма боролся прежде всего против идеалистического понимания истины. Ленинский вклад в решение проблемы истины, его критика антинаучных взглядов по вопросам истины имеют исключительно важное значение в наше время.

Как известно, об истине говорили очень много махисты. На деле же они отрицали объективную истину. «...Истина, — утверждал, например, А. Богданов, — есть

идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта...»¹ Отвергая такое определение истины, В. И. Ленин показал, что «если истина есть *только* идеологическая форма, то, значит, не может быть истины, независимой от субъекта, от человечества, ибо иной идеологии, кроме человеческой, мы с Богдановым не знаем... Если истина, — указывал далее В. И. Ленин, — есть форма человеческого опыта, то, значит... не может быть объективной истины». Дело в том, что при определении истины как формы человеческого опыта отрицается отражение вещей и явлений в человеческой голове. В. И. Ленин указывал, что «если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли *вне* всякого человеческого опыта»².

Для научного определения того, что такое объективная истина, необходимо признать наличие трех элементов: существование не только «идеологической формы — организующей формы человеческого опыта», но и наличие объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания. Наконец, необходимо видеть, что человек способен правильно отражать в своем сознании эту реальность. Богданов признавал наличие только первого элемента, отвергая наличие второго и третьего. Тем самым он отрицал объективную истину. «Отрицание объективной истины Богдановым, — писал В. И. Ленин, — есть агностицизм и субъективизм»³.

Далее. «Если истина, — писал В. И. Ленин, — есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что католицизм есть «организующая форма человеческого опыта»»⁴. Между тем научно доказано, что религия хотя и является отражением действительности в головах людей, но отражением извращенным, фантастическим, в корне неправильным.

Богданов пытался определить истину и как то, что «общезначимо», т. е. как то, с чем согласно большинство людей. В. И. Ленин показал несостоятельность и этого

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 124.

² Там же, стр. 124—125.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 125.

понимания истины. «...«Общезначимо» учение религии, — писал В. И. Ленин, — в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения»¹.

Таким образом, Богданов целиком и полностью ставил истину в зависимость от субъекта, от человечества, отрицал объективную истину. В. И. Ленин показал, что такое решение вопроса Богдановым вытекало из идеалистического учения Маха и Авенариуса. «Если существует на свете только ощущение... если тела суть комплексы ощущений... то ясно, — отмечал В. И. Ленин, — что перед нами философский субъективизм, неизбежно приводящий к отрицанию объективной истины»². На этом примере мы еще раз видим, что идеалистическая трактовка предмета познания предопределяет антинаучное решение вопроса об истине.

Ведя борьбу против идеалистического истолкования истины, глубоко анализируя данные естествознания своего времени, обобщая опыт революционной борьбы пролетариата, В. И. Ленин внес новое слово в марксизм и по вопросу об истине. Объективная истина, учил он, — это такое содержание человеческих представлений, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...»³.

Объективная истина не зависит от субъекта. Потому-то истина и называется объективной. Каждое подлинное открытие в науке навсегда входит в золотой фонд знаний человека об окружающем мире, независимо от того, все ли согласны признать это открытие или не все.

Так, К. Маркс и Ф. Энгельс впервые доказали неизбежную гибель капитализма и победу социализма в результате социалистической революции и установления диктатуры пролетариата. Эта истина стала достоянием миллионов трудящихся во главе с пролетариатом, организуя их на борьбу со старым обществом. В. И. Ленин в новых исторических условиях обосновал возможность победы социализма первоначально в некоторых капиталистических странах или даже в одной, отдельно взятой, стране. Эта истина получила подтверждение в результа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 126.

² Там же, стр. 127

³ См. там же, стр. 123.

те победы Великой Октябрьской социалистической революции и воплощается на деле в странах народной демократии.

Знания физиков, например, о колоссальных запасах энергии внутри ядра атома, знания биологов об огромной генетической роли молекул ДНК и т. д. являются не домыслами, а объективной истиной, ибо они объективно правильно отражают определенные стороны, свойства предметов и явлений природы. Ленинское определение объективной истины направляет ученых на действительное, а не на мнимое познание и преобразование внешнего мира, стоит на страже объективного содержания любой подлинной науки.

Вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины впервые научно решен в марксистской философии. Метафизический материализм этот вопрос даже не ставил, поскольку все знания им объявлялись вечными. «...Могут ли человеческие представления, — писал Ленин, — выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной»¹.

В. И. Ленин всесторонне развил вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины, показал, что объективная истина не есть что-то раз и навсегда данное, неизменное, она постоянно изменяется, становясь с каждым новым открытием в области познания внешнего мира более полным и более точным его отражением. Он наглядно показал, что абсолютная истина, т. е. полные, исчерпывающие знания о вещах и явлениях, складывается из неполных, ограниченных истин, в которых содержатся зерна абсолютной истины. «Каждая ступень в развитии науки, — писал В. И. Ленин, — прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины...»²

Как видно из сказанного, относительная истина — это объективная истина, но неполная, ограниченная, не отражающая предмет весь, целиком и полностью. Абсолютная истина — это тоже объективная истина, но отражающая предмет целиком и полностью, исчерпывающе.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., 18, стр. 123.

² Там же, стр. 137.

Но все дело заключается в том, что, как показал Ленин, абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. «... Из суммы относительных истин в их развитии, — отмечал Ленин, — складывается абсолютная истина... относительные истины представляют из себя относительно верные отражения независимого от человечества объекта... эти отражения становятся все более верными... в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...»¹

Складывание абсолютной истины из относительных есть один из законов познания вещей и явлений. Истина является относительной, поскольку она не полностью отражает вещь. Но она же является и абсолютной, поскольку в ней содержатся достоверные данные о каких-то сторонах этой вещи, данные, неопровержимые в будущем. Единство абсолютной и относительной истины характеризует собой полноту, точность знания о вещи на каждой ступени ее познания и движение вперед в этом познании. Складывание абсолютной истины из относительных не есть механический, арифметический процесс. Каждое такое складывание изменяет знания качественно.

Возьмем, например, историю познания атома, продолжающуюся и в наши дни. Знания об атоме постоянно расширялись и углублялись. Однако современные знания о нем содержат элементы, которые выработаны давно и в разное время, например положение о том, что атом есть частица. Это положение претерпевало крутые ломки: атом — частица неделимая, считалось в XIX в.; атом — частица делимая, установили ученые на рубеже XIX и XX вв.; атом — частица и волна, доказали ученые в 20-е годы нашего века, и т. д. Но как видно, положение о том, что атом помимо всего прочего является и частицей, остается правильным и сейчас. Утверждение о том, что атом есть неделимая частица, в известных, очень узких, пределах остается правильным и в наше время: атомы участвуют в тепловых и даже в какой-то степени в химических процессах как неделимые. Положение о том, что атом состоит из электронной оболочки и ядра, является золотым фондом знаний об атоме, хотя представления об электронной оболочке и ядре атома

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

изменялись несколько раз. Короче говоря, сегодняшние знания об атоме состоят из «кирпичиков», вложенных учеными многих стран в разное время.

Расширение и углубление знаний о живой природе и человеческом обществе представляет собой также складывание абсолютной истины из суммы относительных истин.

Таким образом, между абсолютной и относительной истиной нет непроходимой грани. Относительные истины — это ступеньки в достижении абсолютной истины. Таких ступенек бесконечное количество. Это объясняется тем, что внешний мир развивается, и тем, что человек не способен в каждый данный момент времени познать вещь или явление сразу, целиком и полностью, потому что любая вещь является неисчерпаемой.

Но значит ли это, что люди должны сокрушаться по поводу того, что они не знают «всего и вся» об окружающем мире на каждый данный момент времени? Нет, не значит. Когда человечеству нужно узнать о тех или иных вещах и явлениях все возможное в данный момент времени, то оно получает необходимые знания, чтобы нормально жить, работать, творить. К примеру, до XX в. люди не знали о существовании внутриядерной энергии. Это им нисколько не мешало справляться с решением задач, стоящих тогда перед ними.

Таким образом, в развитии познания внешнего мира имеется определенная преемственность. Новые знания так или иначе связаны с ранее полученными знаниями. Н. Бор, например, установил, что в развитии физики действует принцип соответствия, согласно которому ранее полученные знания входят в новые знания как предельный случай, конкретно: классическая механика входит в теорию относительности и квантовую механику как предельный случай¹.

Большое внимание развитию вопроса о конкретности истины уделил В. И. Ленин. «...Абстрактной истины нет, — писал он, — истина всегда конкретна...»² Действительно, поскольку объективная истина является правильным отражением вещей и явлений, а последние су-

¹ См. *И. В. Кузнецов*. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.—Л., 1948.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

ществуют каждый раз в конкретных условиях, постольку объективная истина является конкретной. Что является истинным в одних условиях, в одно время, в одном месте, может быть ложным в других условиях, в другое время, в другом месте. Еще Н. Г. Чернышевский показал, что на вопрос, например, о том, благом или злом является дождь, нельзя дать ответ либо да, либо нет. В самом деле, например, для землепашца в определенное время года он является благом, в другое же время — злом¹. Подобных примеров можно приводить много.

Конкретность истины вытекает из того, что, во-первых, все процессы во внешнем мире протекают каждый раз по-своему, не повторяют друг друга; во-вторых, объективный мир развивается; и, в-третьих, он неисчерпаем. Познание внешнего мира идет через складывание абсолютной истины из суммы относительных истин. Конкретная истина есть единство абсолютной и относительной истины. Но это единство не есть нечто раз и навсегда данное; оно изменяется в сторону прибавления все новых и новых зерен абсолютной истины. Следовательно, нельзя считать однажды полученные правильные знания всеобщими, абсолютными. Конкретная истина есть единство абсолютной и относительной истины на каждый данный момент времени.

Разрабатывая вопрос об истине, В. И. Ленин критически проанализировал махистское понимание истины. Он показал, что махисты являются не только субъективными идеалистами, но и метафизиками. В частности, они, не будучи в состоянии понять диалектическое соотношение абсолютной и относительной истины, скатились на позиции абсолютного релятивизма, усмотрели в знаниях только момент их изменчивости. Они рассуждали в сущности так: раз какая-то истина не является полной, то она есть субъективная, произвольная истина, не имеющая никакого объективного содержания. Развитие науки с этой точки зрения представляется процессом построения ее каждый раз на голом месте, без всякой преемственности с предыдущими теориями. Тем самым они сеяли недоверие к науке, стирали грань между наукой и религией.

¹ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. III. М., 1947, стр. 208.

Мах, Авенариус, Богданов неоднократно заявляли, что они релятивисты. Как показал В. И. Ленин, Ф. Энгельс тоже признавал относительную истину. Однако принципиальное отличие позиции Энгельса от позиции Богданова заключается в том, что Энгельс признавал объективную истину, следовательно, признавал абсолютную истину. Богданов, писал В. И. Ленин, является релятивистом, Энгельс — диалектиком.

Критикуя релятивистов, В. И. Ленин показал, что диалектика включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. она признает относительность, неполноту знаний на том или другом этапе развития науки и в то же время в этих знаниях видит зерна абсолютной истины, считает эти знания объективной истиной. В. И. Ленин, например, показал, что теория о строении и свойствах материи, созданная на рубеже XIX—XX вв., имеет связь с механической теорией, существовавшей ранее, что каждая из этих теорий, являясь относительно верным отображением закономерностей определенной области природы, содержит в себе элемент абсолютной истины. С развитием науки «сумма абсолютной истины» возрастает. Разоблачая релятивистов, В. И. Ленин защитил объективную ценность научных понятий и теорий.

В. И. Ленин подверг резкой критике и догматиков, которые к соотношению абсолютной и относительной истины подходят также метафизически, видя только момент абсолютности, неизменности знаний, не учитывая постоянного процесса расширения и углубления знаний. С их точки зрения, истина является абстрактной истиной, годной для любых условий, места и времени.

Догматизм — это настаивание на знаниях, положениях, правильных вчера и уже неправильных сегодня ввиду изменившихся условий. Догматики считают, что если какое-то положение было правильным, то оно целиком должно оставаться таковым всегда, для любого места, времени и условия. Они отрицают конкретность истины, которая является единством абсолютной и относительной истины именно для определенных, конкретно-исторических условий, не видят, что это единство все время изменяется.

Таким образом, догматизм — это метафизический подход к объяснению внешнего мира, отрицание изменчивости знаний, отрыв от жизни, от практики. Догма-

тизм тормозит развитие науки и революционного движения.

Следует отметить, что догматизм органически связан с абсолютным релятивизмом, ведет к нему. Например, в XIX в. считалось, что атомы являются первокирпичиками мироздания, абсолютными, вечными, неизменными. Позднее оказалось, что это знание не точно. Исходя из этого, некоторые физики, как показал В. И. Ленин, сделали вывод, что прежние знания об атоме целиком устарели и тем самым скатились в болото идеализма и агностицизма.

В. И. Ленин обогатил также марксистское учение о роли практики в процессе познания. Как известно, махисты объявляли свою философию опытной. Однако В. И. Ленин показал, что они понимают опыт идеалистически, как переживания, ощущения и т. п., что в опыте, согласно их точке зрения, материя не дана человеку, что они не усматривают никакой связи между теорией познания, с одной стороны, и извращенно понимаемой ими практикой — с другой.

В связи с этим Ленин подверг критике Плеханова за смешение понятия «опыт» в махизме и понятия «опыт», «практика» в материализме. Заметив, что махист Ф. Карстаньен определял опыт как предмет исследования, а не как средство познания, Плеханов решил, что противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла. Ленин охарактеризовал это утверждение Плеханова как сплошную путаницу¹. В действительности опыт может быть и предметом исследования, и средством познания, но не эти характеристики служат водоразделом между двумя основными направлениями в философии при определении опыта. Важно другое: дана в опыте объективная реальность или не дана. Согласно махисту Карстаньену, не дана, потому что опыт он трактовал как всякое человеческое переживание, ощущение.

В противоположность этому В. И. Ленин показал, что с точки зрения диалектического материализма в опыте в широком смысле слова, в практике человек имеет дело с вещами и явлениями, изменяя их, преобразуя согласно законам их развития, что практика включается в теорию познания. «Точка зрения жизни, практики, — писал

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 155.

В. И. Ленин, — должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»¹.

Практика — это прежде всего производство материальных благ. Практика — это также классовая борьба, национально-освободительное движение, научные эксперименты, астрономические наблюдения и открытия и т. д. Словом, это деятельность человека, направленная на непосредственное изменение окружающего мира. Практика, согласно Ленину, есть исходный пункт и основа познания, критерий истинности и цель познания.

В. И. Ленин, развивая вопрос о роли практики в процессе познания, показал, что только практика является критерием истинности, ибо она и только она дает возможность сравнить, сопоставить те или иные новые представления, идеи, выводы о вещах и явлениях с самими этими вещами и явлениями, проверить правильность этих выводов. «Познание, — писал В. И. Ленин, — может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем»². В. И. Ленин учил, что вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку³.

Новым вкладом в марксизм явились ленинские положения о противоречивости практики как критерия истины. Этот критерий, указывал Ленин, является абсолютным и в то же время относительным, определенным и неопределенным. «...Критерий практики, — по Ленину, — никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления»⁴.

Действительно, например, практика XVII в. не могла полностью подтвердить или опровергнуть положение о том, что механическое движение есть единственная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145.

² Там же, стр. 142.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

форма движения материи, используемая в производстве материальных благ; практика наших дней не может полностью подтвердить или опровергнуть положение о том, что нет других, более мощных источников энергии, чем внутриядерная энергия. Дело в том, что внешний мир не стоит на месте. Он движется, развивается. Не стоит на месте и практика. Она тоже развивается, обогащается и расширяется.

Ленинские положения о противоречивости практики направлены как против догматизма, так и против идеализма и агностицизма. «Этот критерий,—пишет Ленин,—тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»¹.

Практика, как сказано выше, является единственным критерием истины. Только она дает возможность сопоставить, сличить выводы о вещи с самой вещью и таким образом узнать что-то о вещи. Других путей для этого нет. Дело заключается еще и в том, что практика позволяет искусственно вызывать то или другое явление, воспроизводить его и заставлять это явление служить человеку. Критикуя агностицизм, Энгельс писал: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания... явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»². Воспроизведение изучаемого явления и использование его в практике — нагляднейшее доказательство его познаваемости. Так, воспроизведение внутриядерных реакций в современных физических установках и использование колоссальной энергии, освобождающейся при этом, доказывает истинность ядерной физики. Изменение наследственности под влиянием внешней среды свидетельствует об истинности одного из важных положений дарвинизма. Экспериментальное доказательство влияния

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 284.

молекул ДНК на наследственность подтверждает истинность одного из важных положений молекулярной генетики. Подобных примеров можно привести очень много.

Некоторые авторы указывают, что отрицательные результаты практики тоже являются критерием для определенных взглядов, а именно: доказательством ложности того или другого вывода, того или другого предположения. В этом заключении содержится доля правды, но только доля. С одной стороны, действительно, на практике, например, не доказано создание вечного двигателя, следовательно, идея о вечном двигателе является ложной. В жизни никто не наблюдал вращающегося капитализма в социализм, строительства социализма при отсутствии диктатуры пролетариата, следовательно, идея об этом вращении является ложной. Указанные идеи именно потому ложны, что они выдвинуты вопреки объективным законам движения и развития: первая — природы, вторая — общества. Они никогда не будут подтверждены на практике. С другой стороны, не все то, что сейчас не подтверждается практикой, окажется ложным завтра. Речь идет об идеях, положениях, выводах, которые в общем и целом не противоречат закономерностям развития внешнего мира, но которые не опровергаются и не подтверждаются данной конкретной практикой.

* * *

Ленинское научное наследие по вопросам истины и ее критерия, практики является актуальным не только в познании природы и общества, но и в борьбе против современной буржуазной философии и ревизионизма.

Современные буржуазные философы, отрицая материалистическое понимание предмета познания, обрекают себя на бесплодные, антинаучные рассуждения по всем коренным вопросам теории познания. Покажем это на примере решения неопозитивистами и неотомистами проблемы истины и ее критерия.

В неопозитивизме широкое распространение получил принцип конвенционализма, согласно которому утверждения науки есть результат произвольного соглашения ученых. Основания для избрания конвенций в логическом позитивизме, как пишет С. Крон, в конечном счете «неизбежно оказываются точками зрения ценности и целе-

сообразности, поэтому всякий конвенционализм стремится к прагматизму¹.

Содержание научных представлений, понятий, утверждений ставится в этом случае в зависимость от субъекта, от человека и человечества, критерием истины объявляются субъективные моменты, а не соответствие представлений и понятий вещам и явлениям, следовательно, не практика. Больше того, некоторые неопозитивисты прямо заявляют о том, что предложения науки нужно сопоставлять только с предложениями же, и ни с чем другим. «Предложения, — пишет неопозитивист О. Нейрат, — следует сравнивать с предложениями, а не с «опытом», или с каким-либо «миром», или с чем-нибудь еще»². Все это является наглядным отрицанием объективной истины и ее единственно подлинного критерия, проявлением абсолютного релятивизма — одной из разновидностей агностицизма.

В неопозитивистской философии большое место отводится принципу верификации, проверки научных утверждений. Согласно этому принципу, положения науки проверяются в опыте, понимаемом субъективно-идеалистически как переживания субъекта. Напомним, что еще махисты трактовали опыт как переживания, ощущения и т. п. и не включали его в теорию познания. Точно так же и в неопозитивизме опыт определяется как совокупность ощущений и вообще переживаний, отличающихся якобы гносеологической нейтральностью. Опыт, писал, например, М. Шлик во «Всеобщей теории познания» в 1918 г., якобы не материален и не идеален. Однако тот же Шлик считал, что психическое обладает реальностью, физическое же — только знак или логическая конструкция³. «Все частные факты, — говорил Рассел, — известные без вывода, известны через восприятие или воспоминание, то есть через опыт»⁴. «Требование проверки предложений об опыте, — пишет советский философ И. С. Нарский, — т. е. проблема эмпирического критерия их истинности, получила в неопозитивизме название принципа верификации...

¹ Цит. по: «Современная идеалистическая гносеология», стр. 102.

² Цит. по: Морис Корнфорт. Наука против идеализма. В защиту философии против позитивизма и прагматизма. М., 1957, стр. 216.

³ См. «Современная идеалистическая гносеология», стр. 77—78.

⁴ Б. Рассел. Человеческое познание, стр. 539.

Согласно принципу верификации, критерием истинности суждения... является соответствие его чувственному опыту субъекта. В случае, если суждение не поддается сопоставлению с опытом, оно... считается лишенным научного смысла»¹.

Неопозитивистская трактовка истины в конечном итоге совпадает с определением истины в прагматизме. Как известно, прагматисты определяют истину как то, что полезно; истина, утверждал, например, Дж. Дьюи, характеризуется полезностью. Ясно, что такое определение истины есть отрицание объективной истины, проявление абсолютного релятивизма.

Это, конечно, не означает, что объективная истина не связана с пользой. Но связь объективной истины с пользой заключается в том, что полезно все то, что истинно, а не наоборот, как это получается у неопозитивистов. Как показал В. И. Ленин, истину нельзя определять через пользу, ибо любые положения, если не одному, то другому и т. д., полезны, но далеко и далеко не все из них являются истинными. Марксизм-ленинизм полезен рабочему классу, трудящимся массам, он же является и истинным учением. Буржуазная идеология полезна буржуазии, но она антинаучна, не истинна.

В трактовке истины современные неопозитивисты являются релятивистами. По их мнению, истин об одном и том же явлении может быть столько же, сколько людей. «Достоверность, — утверждает А. Рапопорт, — является релятивно-субъективным фактором. То, что заслуживает доверия Тома, не заслуживает доверия Дика»². «Истина... каждому представляется по-разному, — говорит Д. Р. Лоувилл. — Она лежит на дне колодца, и тот, кто смотрит вниз в поисках ее, видит на дне лишь свой собственный образ...»³

Все сказанное ярко свидетельствует о том, что неопозитивисты, отрицая объективную истину, являются агностиками. Некоторые из них открыто заявляют о том, что мир непознаваем. Б. Рассел, в частности, прямо утверждал, что качества физических явлений непознаваемы.

¹ И. С. Нарский. Основные понятия и принципы теории познания неопозитивизма. — «Современная идеалистическая гносеология», стр. 78.

² Цит. по: «Современная идеалистическая гносеология», стр. 169.

³ См. там же, стр. 170.

Например, по его мнению, нельзя ответить на вопрос о том, обладает Солнце свойством яркости или не обладает. Качества, присущие физическим явлениям, писал Рассел, «непознаваемы, — настолько совершенно непознаваемы, что мы не можем даже сказать, отличаются или не отличаются они от качеств, которые мы знаем как принадлежащие психическим явлениям»¹.

Успешно продолжающееся познание закономерностей развития общественной жизни и бурный процесс революционного преобразования ее, рост сил социализма и ослабление сил капитализма, усиливающаяся с каждым днем господство человека над природой — все это опровергает агностицизм, показывает несостоятельность открытой и скрытой критики ленинской теории познания.

Представители современной объективно-идеалистической философии — неотомизма на словах признают познаваемость окружающего мира. Например, Веттер даже заявляет, что он приветствует теорию познания диалектического материализма и его критику агностицизма. Однако это признание носит обманчивый характер. Неотомисты делят все истины на научные, разумные (физика, химия и т. д.) и сверхнаучные, сверхразумные (догмы религии), постигаемые с помощью веры, откровения, неожиданного озарения. В этой связи они трактуют научные истины как преходящие, иллюзорные, не достоверные, поскольку эти истины хотя и отражают окружающий человека мир, но мир, который сам зависит от другого мира, мира божества. Физика, химия, биология, рассуждают они, отражают природу далеко не полностью, не в главном и основном, а в десятистепенном. Другое дело, по их мнению, сверхнаучные истины. Они вечны, до конца достоверны и потому являются высшим источником знания. Без помощи бога разум не в состоянии объяснить ни мироздания, ни морали, заявляет, например, генеральный секретарь Академии Фомы Аквинского Бойер. Только религиозная истина способна проникнуть «в тайны человеческого существования и тайны вселенной», постичь «бытие бога» и «бессмертие души» — твердят представители католической философии².

¹ Б. Рассел. Человеческое познание, стр. 265.

² См. Т. И. Ойзерман. Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии. М., 1959, стр. 29.

Неотомист Т. Дж. Блэккли, нападая на теорию познания диалектического материализма, пишет, что «если вера и наука оказываются противоречащими друг другу, то вере всегда нужно дать право выбора»¹. Ясно, что сей неотомист истинность религиозных догм ставит выше, чем истину, получаемую наукой. Критерием истинности, по его мнению, выступают религиозные догмы.

Блэккли пытается критиковать диалектический материализм за то, что он не ставит вопроса о соотношении веры и разума, ибо для него все познаваемо: все есть материя и материя познаваема. Но, заявляет Блэккли, революция в естествознании, происходящая в XX в., опровергла якобы все абсолютные истины о материи, имевшиеся в XIX в. Следовательно, делает он заключение, вера выше знания, науки, она не подвержена революциям.

Как видно, неотомисты признают некоторую роль естествознания в познании природы, но эта роль, по их мнению, находится целиком и полностью в границах католической религии. Естествознание, по мнению неотомистов, должно обосновывать положения религии, но не должно заниматься мировоззренческими вопросами, например вопросом о бесконечности мира. Как заявлял папа Пий XII, Дарвин был прав, создав учение о происхождении видов, о естественном отборе, но только при условии признания положения о том, что Адам и Ева созданы богом. Религия, заявлял он, вмешивается в науку и философию только для того, чтобы «спасти науку от ошибок против веры»².

Надо сказать, что многие неотомисты открыто нападают на марксистско-ленинское учение о роли практики в процессе познания. Например, Г. Веттер пытается опорочить единственно научное, марксистско-ленинское учение о критерии истины, о достоверности познания человеком окружающего мира. В основном и главном, рассуждает Веттер, диалектический материализм не может доказать правильность человеческого познания. Он, мол, утверждает, что наше познание представляет собой отражение объективной действительности. Но тем самым

¹ T. J. Blakeley. *Soviet Scholasticism*, p. 83.

² См. Т. И. Ойзерман. Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии, стр. 32, 34.

достоверность нашего познания всего лишь утверждает-
ся, постулируется¹.

Итак, положения диалектического материализма о том, что практика есть критерий истины, что человек может познать и познает вещи и явления, согласно Веттеру, всего лишь постулируются, но не доказываются. Веттер считает, что в главном и основном практика не может быть критерием истины. «Разве мало мы видели примеров тому, как ложь, хотя бы и временно, одерживает победу? — пишет он. — Согласен ли коммунизм признать национал-социализм истинным на тот период времени, в который он одержал победу? И кто определяет границы времени, кто определяет, как долго может ложь держаться у власти, чтобы благодаря успеху не стать истиной, и сколько времени полагается иметь истине для того, чтобы пробить себе дорогу и не превратиться в ложь в результате неуспеха?»²

Суть аргумента, выдвигаемого Г. Веттером, как видно, сводится к следующему: коммунисты считают фашистскую идеологию ложной. Но последняя была осуществлена на практике. Следовательно, либо нужно отказаться от положения о том, что практика есть критерий истины, поскольку практика подтверждает и ложные взгляды, либо признать истинность национал-социализма.

Для того чтобы опровергнуть эти и другие аналогичные доводы, следует напомнить основные положения учения об общественном прогрессе, учения, впервые созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитого В. И. Лениным. Марксизм-ленинизм доказал, что человеческое общество развивается в целом по восходящей линии, по линии прогресса. Первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, капитализм, коммунистическая формация, имеющая две фазы своего развития — социализм и коммунизм, — вот последовательные этапы исторического прогресса. Наиболее общим, универсальным критерием общественного прогресса является развитие производительных сил. Более прогрессивной является та формация, которая открывает новые возможности для

¹ G. A. Wetter. *Dialektischer und historischer Materialismus*, S. 142

² Там же, стр. 23—24.

развития производительных сил, обеспечивает более высокие темпы их развития.

Уже социализм, первая фаза коммунистической формации, открыл по сравнению с капитализмом небывалые возможности для развития производительных сил. Темпы развития производительных сил в странах социализма являются более высокими, чем в целом в странах капитализма. Но дело не только в этом. В странах социализма ликвидирована частная собственность на орудия и средства производства, уничтожены эксплуататорские классы и эксплуатация человека человеком. Постоянное повышение материального и культурного уровня трудящихся в условиях социализма является законом. Расцвет подлинной демократии, демократии высшего типа, бурное развитие науки и культуры — неотъемлемые свойства, черты социалистического строя.

Если, например, феодализм вполне закономерно уступил свое место капитализму как более прогрессивной формации, то капитализм не менее закономерно уступает свое место социализму, положившему начало подлинной истории человечества. Причем идеи, взгляды, теории, отражающие объективные закономерности смены капитализма социализмом, зовущие к борьбе с капитализмом, к завоеванию диктатуры пролетариата и построению нового общества, являются объективно истинными. Идеи, взгляды, теории, задерживающие прогрессивное развитие человеческого общества, никогда не были и не могут быть истинными, ибо они искаженно, фальсифицированно представляют общественную жизнь. Осуществление на практике таких идей означает, что исторически отжившие классы в силу ряда временных причин на какой-то период оказались сильнее, чем прогрессивные, революционные классы. Но победа реакционных классов всегда носила и носит временный характер. Рано или поздно революционные классы брали и будут брать верх над реакционными классами.

Из сказанного видно, что в общественной жизни есть практика реакционных классов и есть практика революционных классов. Марксизм-ленинизм считает критерием истины прежде всего практику революционных классов, направленную на прогрессивное развитие человеческого общества. Революционные силы не сбрасывают со счетов и практику реакционных классов: учитывая эту

практику, они лучше организуются, мобилизуются, с тем чтобы с большей силой обрушиться на старые порядки.

Практика революционных классов подтверждает марксизм-ленинизм целиком и полностью, непосредственно. Практика же реакционных классов тоже подтверждает верность выводов марксизма-ленинизма о том, что силы старого мира на первых порах бывают сильнее, чем силы нового мира, что силы старого мира не уходят без ожесточенной борьбы с исторической сцены, что важнейшей обязанностью революционных сил, когда они уже достигли победы, является подавление сопротивления реакционных классов.

Веттер также утверждает, что Октябрьская революция 1917 г. в России коммунистами неправомерно изображается как критерий правильности выводов, сделанных Марксом из анализа капитализма. Здесь, пишет он, трудно доказать, что практика — критерий истины, ибо как можно доказать, что Октябрьская революция вызвана именно теми причинами, о которых говорил Маркс, а не другими? Экспериментатору-физику легче, ибо он может повторить свой эксперимент много раз, исключив воздействие других факторов. В истории же все явления неповторимы¹.

Этот аргумент Веттера является тоже несостоятельным. В общественной жизни действительно нельзя искусственно воспроизвести какое-либо значительное событие, тем более социальную революцию, в том числе социалистическую. Но отсюда вовсе не следует, что, например, Великая Октябрьская социалистическая революция не является одним из важных доказательств истинности теории научного коммунизма. Наоборот, эта революция явилась первой в истории, доказавшей правильность учения К. Маркса о том, что капитализм исторически изжил себя, что он должен уступить свое место социализму.

Далее. Октябрьская революция является революцией в одной, отдельно взятой, капиталистической стране, в то время как К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что социализм победит одновременно в основных капиталистических странах. Дело в том, что В. И. Ленин показал, что в новых условиях, в эпоху империализма пролетарская

¹ G. A. Wetter. Dialektischer und historischer Materialismus, S. 145.

революция может произойти только в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой, стране. В. И. Ленин развил учение К. Маркса и Ф. Энгельса о социалистической революции и по другим вопросам, развил, а не отбросил. Основным содержанием ленинской теории социалистической революции является учение Маркса, примененное к новым условиям.

Веттер пытается опровергнуть положение марксистско-ленинской философии о практике как критерии истинны применительно к изучению не только общественных явлений, но и природы. Практика, утверждает он, не может быть последним критерием истинности в изучении природы. «Очевидно, — пишет Веттер, — практику как критерий истинности можно рассматривать двояким образом. Сперва так, что в практике приобретается опыт, который потом подтверждает ранее разработанную теорию. В этом смысле, например, удавшийся эксперимент должен принести доказательство правильности какой-либо теории. Исход же эксперимента (положительный или отрицательный) доходит до нашего сознания *только через чувственное восприятие*. Но ведь вопрос как раз и заключается в том, достоверны ли наши чувственные восприятия. Значит, действительность чувственного восприятия, которое донесло до нашего сознания положительный исход эксперимента, в свою очередь опять-таки нуждается в проверке практикой; таким образом, мы видим, что этим путем мы никогда не придем к решению»¹.

Веттер и здесь фальсифицирует суть теории познания диалектического материализма, в том числе понимание практики. Он пытается представить диалектический материализм как такую философию, согласно которой человек якобы не может выйти за пределы чувственного восприятия, т. е. представить как субъективно-идеалистическую и агностическую философию. По мнению Веттера, даже если какое-то научное положение подтверждено экспериментом, это положение нельзя считать достоверным, так как данные эксперимента доходят до нашего сознания через чувственное восприятие, а последнее, по Веттеру, не имеет своего критерия истинности. Выходит, что положения, например, современной физики о том, что

¹ G. A. Wetter. Dialektischer und historischer Materialismus, S. 144—145 (курсив наш. — A. B.).

пара электрон — позитрон превращается в фотон и, наоборот, фотон превращается в эту пару, что электрон есть единство корпускулярных и волновых свойств и т. д., многократно подтвержденные экспериментами, еще не достоверны. В действительности же воспроизведение в камере Вильсона превращения пары в фотон и фотона в пару, использование волновых свойств электрона в электронном микроскопе, т. е. практика, есть выход человека за пределы чувственного восприятия, доказательство правильности, истинности соответствующих положений современной физики.

* * *

Рассмотрим, как же решают проблему истины современные ревизионисты и некоторые другие критики ленинской теории отражения. Следует сразу отметить, что они решают эту проблему в точном соответствии с решением ими вопроса о предмете познания. Мы видели, что критики ленинской теории отражения считают этим предметом не объективную реальность, а нечто такое, что создается человеком в его «творческом труде», что зависит от человека. Именно из подобного понимания предмета познания и рождаются «новые» взгляды на истину.

Современные противники ленинской теории отражения не только не признают ленинское определение объективной истины как такого содержания человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, не зависит от человека и человечества, а прямо нападают на него. «Истинность, понятая как соотношение «подобия» человеческого суждения и полностью независимой действительности, действительно неприемлема для марксистского понимания мира»¹, — пишет Л. Колаковский.

Здесь Колаковский абсолютно неправильно трактует марксистское определение истины. Во-первых, в марксистской философии речь идет не о «соотношении «подобия» человеческого суждения», а о правильном отражении в человеческом суждении объективной реальности. Во-вторых, он прямо отрицает наличие правильного отражения в суждениях «полностью независимой действительности», т. е. объективной реальности.

¹ Цит. по: «Ленинская теория отражения и современность», стр. 361.

Современные критики теории отражения утверждают, что признание внешнего мира и правильного отражения его в сознании является пагубным для человека, производителя материальных благ, будто бы обрекает человека на пассивность. Как только мы признаем объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, рассуждают они, мы должны признать человека «отчужденным» от природы, по существу враждебным этой природе. Какая же, мол, в этом случае может быть речь об истине, поскольку природа при таком толковании остается не подвластной человеку.

Югославский философ Петрович открыто отрекается от марксистского понимания объективной истины. Он заявляет, что объективная истина не есть правильное отражение вещей и явлений в человеческой голове. «Тезис, согласно которому всякое сознание есть отражение, и тезис, согласно коему истина не есть отражение, не должны противоречить друг другу»¹. Теория отражения, утверждает он, непригодна «ни как теория истинности человеческого существования, ни как теория о сущности сознания, ни как теория об истинности нашего мышления»².

Современные критики теории отражения во что бы то ни стало хотят опровергнуть положение о том, что познание есть правильное отражение вещей в сознании. «Понятие отражения, — пишет Маркович, — вообще не характерно для деятельной философской концепции Маркса — оно отнюдь не обращает достаточного внимания на созидательный момент сознания, на символический характер человеческих творений, о которых мы говорим, что они истинны. Кроме того, такое определение истины через понятие отражения настолько неопределенно и недостаточно информативно, что не позволяет на основании его определить объем понятия истины и проводить различие между тем, что истинно, и тем, что таковым не является. Для того чтобы дать более точное определение истины в соответствии с требованиями гуманистической и диалектической философии, мы должны воспользоваться современным понятийным аппаратом»³.

¹ G. Petrović. Filozofija i marksizam, str. 253.

² Там же, стр. 254.

³ M. Marković. Osnovi dijalektičko-humanističke teorije istine. — «Praxis», 1965, N 2, str. 179.

Решая вопрос об истине вне основного вопроса философии, Маркович тем самым по сути дела отрицает объективную истину. То, что он считает истиной, не является истиной. «...Знак истинен тогда, — пишет Маркович, — когда он адекватно обозначает ту или иную реальную модель». Как видно, автором употребляется термин «знак», а не термины «представление», «понятие» и т. п. А ведь это не одно и то же. Знак может не быть образом, копией, фотографией вещи. Между знаком и вещью необязательно должно быть сходство, соответствие. Далее, им употребляется термин «обозначать», а не термин «отражать». А ведь это также разные по смыслу термины. И наконец, знак, согласно Марковичу, истинен, если он адекватно обозначает реальную модель. Модель, а не вещь. Таким образом, Маркович пытается решить проблему истины безотносительно к тому, существует или нет объективная реальность.

Противники ленинской теории познания, определяя истину в духе современного идеализма, т. е. отрицая правильное отражение внешнего мира в голове человека, пытаются доказать, что истина — это не отражение, потому что якобы суждения, например, о прошлом и будущем могут быть истинными, но прошлого уже нет, а будущее еще не наступило. Значит, делают они вывод, истиной может быть то, чему ничего не соответствует в объективной действительности, истина может быть и беспредметной.

Но как известно, достоверные знания о прошлом создаются на основе многочисленных данных, подтверждающихся сегодня, в настоящее время. Достоверное знание о прошлом есть тоже правильное отражение прошлого, во-первых, непосредственно прошлого (например, данные раскопок и т. п.) и, во-вторых, опосредованного прошлого, элементы которого содержатся в современной объективной реальности.

Рассмотрим, например, вопрос о происхождении человека. Дарвин впервые обратил внимание на большую общность между человеком и обезьяной и сделал вывод, что человек произошел от человекообразной обезьяны. Но Дарвин неправильно ответил на вопрос о том, благодаря какому фактору обезьяна превратилась в человека. Он считал, что это превращение есть результат чисто биологической эволюции, с чем нельзя согласиться.

Ф. Энгельс обратил внимание не только на общность между человеком и обезьяной, но и на их качественное отличие друг от друга: человек является общественным существом, делает орудия производства и производит для себя материальные блага, наделен сознанием, в том числе мышлением, обладает речью, языком. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс доказал, что труд, трудовая деятельность, на первых порах элементарная, а затем все усложняющаяся, сыграла решающую роль в происхождении и развитии человека.

Приведенный пример показывает, что истина о прошлом есть правильное отражение объективной реальности. Аналогичных примеров можно привести бесчисленное множество.

Истина о будущем тоже является правильным отражением объективной реальности — реальности сегодняшнего дня, глубокий научный анализ которой дает возможность составить правильную, истинную картину будущего. Мы уже говорили, что К. Маркс и Ф. Энгельс, открыв законы возникновения и развития капитализма, создали теорию научного коммунизма, показали, что могильщиком капитализма явится рабочий класс, возглавляемый коммунистической партией, что социализм можно построить только в том случае, если будет совершена пролетарская революция, установлена диктатура пролетариата, уничтожена частная собственность на орудия и средства производства и на ее месте создана общественная социалистическая собственность.

Ход всемирной истории человечества подтвердил истинность теории научного коммунизма. Великая Октябрьская социалистическая революция, образование СССР, превращение социализма в мировую систему — это ярчайшее доказательство того, что научный коммунизм был уже сто с лишним лет тому назад правильным отражением объективной реальности, т. е. был и есть объективной истиной.

Теория научного социализма, созданная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным, будучи правильным отражением объективной реальности, явилась могучим идейным орудием преобразования общественной жизни. И в данном случае подтвердились положения Маркса о том, что идеи, овладевшие массой, становятся вели-

кой материальной силой, а также положения Ленина о том, что без революционной теории не может быть революционного движения.

Критики теории отражения открыто нападают на ленинское положение о том, что объективная истина есть такое содержание человеческих представлений, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...»¹. По мнению критиков, истина целиком и полностью зависит от человека, поскольку она человеком формулируется. Маркович, например, пишет: «Содержание наших данных не может быть «независимым от человека и человечества» именно потому, что эти данные и человек, который стоит за ними, участвовали в оформлении этого содержания»².

В действительности В. И. Ленин, давая определение объективной истины, имел в виду не любое содержание человеческих представлений, а только такое, которое не зависит от человека и человечества. Он приводил следующий простой пример: наше утверждение о том, что Земля существовала до человека, имеет такое содержание, которое не зависит от человека и человечества. Почему? Потому, что оно целиком и полностью определяется существованием Земли до человека, потому, что оно есть правильное отражение того факта, что Земля действительно существовала задолго до появления человека и человечества, что доказано наукой. Утверждение о существовании Земли до человека появилось на свет не только потому, что существуют люди, хотя наличие людей для этого случая является обязательным, но еще и потому, что существует Земля, объект, независимый от людей и получивший правильное отражение о времени своего существования по отношению к появлению людей на Земле. Содержание утверждения о том, что Земля существовала до человечества, было бы зависимым от человека и человечества только в одном случае, а именно, если бы это существование зависело от сознания человека.

В. И. Ленин привел один из многих примеров существования объективной истины, но пример нагляднейший, воочию показывающий несостоятельность идеалистиче-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.

² «Praxis», 1965, N 2, стр. 185.

ского понимания истины. И таких примеров можно привести множество из различных областей науки.

Следует отметить еще одно рассуждение Марковича по поводу объективной истины. Когда мы говорим об «объективной истине, — пишет он, — речь идет именно об интерсубъективности в рамках человеческого мира»¹. Определение истины как «интерсубъективности в рамках человеческого мира» есть неопозитивистское определение. Интерсубъективность, согласно неопозитивизму, совпадает с понятием интерсубъективной проверки, т. е. взаимного соответствия результатов верификации, проверки истинности какого-либо предложения различными индивидами и взаимообмена этими результатами.

В этой связи небезынтересно напомнить об определении истины, данном ревизионистом А. Богдановым, и ленинской критике его. Богданов заявлял, что истина — это то, что общезначимо. Критикуя это определение истины, Ленин показал, что оно есть отрицание объективной истины.

Французский ревизионист Гароди тоже претендует на «развитие» проблемы истины и ее критерия, т. е. по сути дела он ревизует решение этой проблемы классиками марксизма-ленинизма, но делает это более завуалированно, чем многие другие противники ленинской теории познания. В своей книге «Марксизм XX века» Гароди не приводит ленинского определения объективной истины, не говорит о том, что истина есть правильное отражение вещей и явлений в голове человека, что она есть достоверное знание о внешнем мире. Более того, во всех своих рассуждениях Гароди особо подчеркивает отрицание абсолютной истины вообще, причем так, что из него явно вытекает отрицание объективной истины. «Проще говоря, — пишет он, — критическая точка зрения в философии — это осознание того факта, что все, что мы говорим о действительности, является нашим самовыражением. Догматизм же, напротив, — это иллюзия проникновения внутрь вещей или претензия на такое проникновение и на высказывание о них абсолютной и окончательной истины» (стр. 53).

Как видно, Гароди выдвигает положение о том, что

¹ «Praxis», 1965, N 2, стр. 184.

все, что мы знаем о действительности, носит субъективный характер.

«Не существует абсолютного знания, — пишет Гароди в той же работе, — в котором познание равнялось бы тому бытию, которое оно познает, и отождествлялось бы с ним. Знание является представлением или воспроизведением, направленным на то, чтобы дать отчет о реальном. Это воспроизведение всегда зависит от степени развития человека, его технических навыков, его практики и понятий (всегда временных), выработанных человеком. Было бы идеологической иллюзией принимать его за абсолютную и окончательную истину, принципы которой не могли бы быть поставлены под сомнение» (стр. 65—66).

Мы привели лишь некоторые рассуждения Гароди, направленные на отрицание абсолютной истины. Аналогичны и другие его рассуждения. Вывод Гароди сводится к тому, что не существует никакого абсолютного знания, никакой абсолютной истины, принципы которой не были бы подвергнуты сомнению.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин показали образцы борьбы против абсолютизации знаний человека о внешнем мире, против догматизма. Вместе с тем они отстаивали признание абсолютной истины, истины, которая неопровержима в будущем. Гароди же по существу не допускает мысли о существовании какой бы то ни было абсолютной истины. Тем самым он отрицает существование объективной истины.

Эти попытки в истории философии не новы. Ревизионист Богданов, как известно, заявлял, что «марксизм включает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин». Богданов соглашался признать «объективную истину только в пределах известной эпохи»¹. Критикуя эти взгляды, В. И. Ленин показал, что Богданов смешал два вопроса: 1) существует ли объективная истина? 2) каково соотношение истины абсолютной и относительной? Решая второй вопрос, Богданов отрицал самое малейшее допущение абсолютной истины. Что касается первого вопроса, то Богданов, не говоря этого прямо, решал его тоже отрицательно. «...Ибо, — писал Ленин, —

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.

можно отрицать элемент относительного в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины, но нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины»¹.

Позиция по вопросу об истине, занимаемая Гароди, тождественна позиции Богданова: оба они отрицают абсолютную истину и отстаивают представление об истине как зависимой от человека, т. е. отрицают существование объективной истины.

Выше мы видели, что «воспроизведение бытия» в сознании человека, по мнению Гароди, всегда зависит от степени развития человека. Конечно, человек с его практикой, с его понятийным аппаратом является обязательным компонентом в процессе отражения «бытия». Но есть ли в знаниях человека о бытии что-то достоверное, не временное, а постоянное? Не является ли какое-то их содержание независимым от человека? На эти вопросы Гароди по существу дает отрицательный ответ. Напомним, что материализм, по его мнению, утверждает, что природа, но не наука существует независимо от нас и без нас. Как видно, Гароди и здесь путает. Поскольку признано правильным положение о существовании природы независимо от человека, постольку необходимо признать правильным положение о том, что объективное содержание науки не зависит от субъекта, от человека и человечества, не зависит «от нас». Но Гароди не признает этого второго положения, объявляя науку зависимой только от нас.

Марксистско-ленинская философия утверждает, что понятия и законы формулируются в голове человека, что они неразрывно связаны с практикой человечества. В то же время объективное содержание науки не зависит от субъекта. В физике давно выработано, например, понятие электрона, правильно отражающее одну из элементарных частиц материи. Если же заявить, что понятие электрона зависит только от человека, то сейчас же возникает вопрос: существует ли в природе электрон, есть ли в действительности такая частица?

Отрицание Гароди объективной истины наглядно видно и из проповеди им так называемого здорового плюрализма, признания множества различных точек зрения по

одному и тому же вопросу. «Противоположностью догматизма, — пишет он, — является признание необходимости множества научных гипотез, но при условии, что этот *плюрализм* рассматривается не в метафизическом и не в релятивистском смысле». И далее: «...в каждый данный момент одна из них (гипотез. — А. В.) в конечном итоге оказывается способной вобрать в себя все другие и преодолеть их» (стр. 64). Однако, пишет Гароди, следует помнить, что вбирание в себя одной гипотезой других никогда не бывает окончательной победой, на которой можно остановиться.

Гароди и здесь вносит огромную путаницу в решение вопроса об объективной истине. Не является секретом, что проповедь «здорового», «нового» и тому подобного плюрализма в идеологии есть проповедь буржуазной идеологии, есть борьба против марксизма-ленинизма. В этом еще раз убеждаешься, читая книгу «Марксизм XX века». Плюрализм Р. Гароди — это отказ от признания объективной истины и сползание в болото релятивизма. Объявленная Гароди война догматизму на поверку оказывается мнимой.

Как мы уже видели, плюрализм Гароди привел его к отрицанию преемственности в развитии естествознания, что в свою очередь означает отрицание абсолютной, следовательно, и объективной истины.

Пытаясь применить плюрализм к анализу общественной жизни, Гароди приходит к выводу, что если мы будем подгонять «развитие африканских и азиатских обществ» под «схему пяти стадий исторического развития» (общественно-экономических формаций. — А. В.) как под абсолютную истину, то «мы отклонимся от научных методов и вернемся к спекулятивной и догматической философии истории» (стр. 62).

Конечно, догматизму не должно быть места при рассмотрении вопросов общественного развития. Одним из нагляднейших примеров творческого, недогматического решения этих вопросов является подчеркивание международным коммунистическим и рабочим движением, в том числе подлинно ленинскими коммунистическими партиями стран Азии и Африки, положения о возможности некапиталистического пути развития этих стран. Учение марксизма-ленинизма о пяти общественно-экономических формациях помогает понять историю, настоящее и пред-

видеть будущее развитие народов. Народы Европы и Америки и народы Африки и Азии так или иначе проходят именно тот путь развития, который отражен в марксистском учении об общественно-экономических формациях. Другого пути человечество не знает. Не знает его и Гароди. Но поскольку Гароди отвергает применение учения об общественно-экономических формациях к странам Африки и Азии, считая его в этом случае догматическим и «спекулятивным», постольку он отвергает абсолютную истину, содержащуюся в этом учении, тем самым отрицает объективное содержание этого учения. Сущность плюрализма сводится здесь к отказу от строительства социализма в странах Азии и Африки.

Плюрализм, приводящий к отказу от объективной истины, проявляется и в оценке Гароди содержания марксистской философии. В этой связи можно привести его рассуждение о материалистической диалектике, где он утверждает, что если принимать определенное число законов диалектики за абсолютную истину, то марксизм «станет тормозом для научных исследований» (стр. 61—62).

Спрашивается, почему? Любой исследователь волен воображать, что законов диалектики имеется бесчисленное множество, но на деле он может руководствоваться только уже открытыми классиками марксизма законами. Других пока никто не знает. Смысл плюрализма Гароди здесь сводится к отказу от использования законов марксистской диалектики. Это положение подтверждается и тем, что Гароди по существу объявил законы материалистической диалектики несуществующими.

Итак, мы убедились, что современные ревизионисты и другие критики марксистско-ленинской теории познания отрицают наличие объективной истины, проповедуют взгляды на истину, заимствованные у современных буржуазных философов. Критики ленинской теории отражения, отрицательно отвечая на вопрос о существовании объективной истины, естественно, в корне неправильно решают проблему соотношения абсолютной и относительной истины. Как мы убедились, они отрицают наличие абсолютной истины; поэтому они говорят только об относительной истине, но истине, не содержащей ни одной крупинки абсолютной истины.

В целях подтверждения своих взглядов они пытаются

фальсифицировать историю развития естествознания, представить эту историю состоящей из целого ряда не связанных между собой теорий и учений. Как мы уже говорили, противники ленинской теории отражения заявляют, например, что теория относительности Эйнштейна, ядерная физика не связаны с классической физикой Ньютона, что последняя начисто отрицается ими. Так ли это? Нет, не так. Еще махисты утверждали, что теория материи, создаваемая на рубеже XIX—XX вв., полностью опровергает механическую теорию материи, созданную ранее. Критикуя махистов, В. И. Ленин показал, что и первая и вторая теории имеют объективное содержание, что первая теория включает в себя элементы второй, что развитие естествознания имеет поступательный характер. Он писал, что махизм является абсолютным релятивизмом, агностицизмом, сеющим сплошное недоверие к естествознанию, стирающим грань между наукой и религией. Ленин защитил объективную ценность научных понятий и теорий. Ленинская критика махизма является актуальной в борьбе с современным ревизионизмом, потому что позиции последнего схожи с позициями махизма.

Появление и развитие современной физики — теории относительности, квантовой механики, теории элементарных частиц — есть процесс пополнения и уточнения естественнонаучных представлений об окружающем человека мире, о материи, движении, времени, пространстве, причинности, свойствах и строении материи. Оказалось, что старые представления неприменимы к вновь открытым областям природы, например к микромиру, а если какие-то из них и применимы, то с большими ограничениями.

Современную картину мира обычно называют квантово-механической и внутриядерной. И это правильно, так как науки, изучающие квантово-механические и внутриядерные процессы, находятся на переднем крае исследования неорганической природы. Но нужно иметь в виду, что элементами этой картины являются классическая механика и классическая физика, содержащие в себе многие зерна абсолютной истины — истины, которая не будет опровергнута в будущем.

Далее, доказано, что, согласно принципу соответствия, сформулированному Н. Бором, механика Ньютона входит в современную физику как ее предельный случай.

Значит, механика Ньютона связана с современной физикой и по этой линии.

В действительности именно так и обстоит дело с соотношением предшествующих и последующих теорий. Между ними имеется органическая связь. Но критики ленинской теории отражения остаются верными себе. Оказывается, современная физика, по мнению Гароди, по существу должна уступить и уже уступает свое место... кибернетике, подобно тому как в свое время классическая механика уступила свое место современной физике. Напомним, что, по Гароди, атомизм, учение о веществе, уже «сменяется» структурализмом, учением о взаимосвязях.

Кибернетика является молодой наукой, она имеет много определений. Одно из распространенных следующее: кибернетика есть наука об управлении сложными динамическими системами. Она изучает сложные и в то же время динамические системы (объекты), т. е. изменяющиеся во времени, к которым относятся, например, кибернетические машины и организмы животных. Эти объекты (системы) имеют управляющую часть (своего рода центр), управляемую часть (своего рода периферию), линии прямой и обратной связи между «центром» и «периферией». Системы (объекты) функционируют на основе полученной информации, согласно закону обратной связи. Кибернетика оказывает плодотворное влияние на развитие техники, нацеливает на новые пути в изучении живой природы и общественной жизни.

Появление кибернетики поставило с новой силой и несколько по-иному вопрос о необходимости изучения взаимосвязей объектов друг с другом, о подходе к сложным объектам как к целостным образованиям. Именно эту задачу науки критики ленинской теории познания объявили главной и даже единственной ее задачей. «На современном этапе развития науки, — пишет Гароди, — представление о реальном, которое создается из совокупности проверенных знаний, — это представление о едином органическом целом, которое находится в процессе не только постоянного развития, но и непрерывного самосозидания. Именно эту структуру мы называем «диалектической»...» (стр. 83).

Как видно, сказано четко и ясно: в настоящее время научными являются лишь представления о едином, орга-

нически целом. Этими представлениями занимается только кибернетика. С прошлыми представлениями покончено раз и навсегда — такова суть рассуждений Гароди. Вот почему он считает, что только кибернетика является опорой современного мировоззрения, в том числе диалектики. «Это мировоззрение... новую и более точную метафору которого сегодня представляет кибернетика, математизирующая, так сказать, аналогию форм движения на различных уровнях действительности, — пишет Гароди, — может служить рабочей гипотезой и сыграть в исследованиях эвристическую роль.

С этой точки зрения кибернетика и теория информации дают понятию диалектики природы самую яркую теоретическую и практическую проверку, такую, которую ни одно научное понятие не получило сто лет спустя после того, как оно было сформулировано» (стр. 83---84). Здесь Гароди вполне ясно дает понять, что он придал новую форму марксистской философии.

В действительности, кибернетика хотя и является «синтетической» наукой, лежащей на стыке многих наук, но принципиально ничем не отличается от других конкретных наук. Кибернетика не может отменить или заменить собой все ранее созданные теории и науки. Она существует наряду с геометрией Евклида, механикой Ньютона, теорией относительности Эйнштейна, квантовой механикой, теорией элементарных частиц и т. д. как новый шаг в познании внешнего мира. Кибернетика подходит к изучению своих объектов как целостных систем. Но такой подход не является новым. Он применялся и применяется и в других науках. Кроме того, даже кибернетика вынуждена изучать предметы взаимосвязи в кибернетических системах, т. е. вынуждена изучать элементы, из которых состоит кибернетический объект.

Наконец, рассмотрим, как же современные критики ленинской теории отражения трактуют практику. Следует отметить, что решение вопроса о практике у них органически связано с решением вопроса об истине, и наоборот.

Современные критики ленинской теории познания трактуют практику по сути в духе махизма, т. е. в субъективно-идеалистическом духе. Например, Гароди в своей книге «Марксизм XX века» не критикует идеалистическое понимание практики, хотя вопрос о практике яв-

ляется первым и основным в теории познания диалектического материализма. Кроме того, мы уже видели, что критики ленинской теории отражения отрицают живое созерцание как начальный этап познания вещей и явлений. «Отправной точкой мышления, как мы уже показали, — утверждает Гароди, — никогда не бывает голая констатация непреложных данных. Отправной точкой является акт создания «модели» или глобальной гипотезы, содержащей тем самым часть мифа» (стр. 73). Таким образом, практика в его понимании не включает в себя такую составную часть практики, которая связана с живым созерцанием.

Критики ленинской теории отражения на словах признают, что практика есть критерий истины, что она не индивидуальна. Для марксиста практика, пишет Гароди, являющаяся в конечной инстанции критерием истины, не есть практика индивидуальная. Но возникает вопрос, что это за практика, которая является только критерием истины, но не пронизывает собой живое созерцание? Такого критерия не может быть на свете. Практика — это критерий истины именно потому, что она же есть исходный пункт, начало познания.

Выше мы видели, что, по мнению Гароди, например, в естествознании происходит бесконечная смена гипотез и моделей, причем каждая из последующих никак не связана с предыдущими. Из этого получается, что нельзя верить тому, что практика подтвердила сегодня, поскольку практика завтрашнего дня все это отметет начисто. Значит, он понимает практику как критерий истины сугубо неправильно. Ленинское положение о противоречивости практики как критерия истины оказалось для него за семью печатями. Он решает вопрос о практике односторонне, видит в практике как критерии истины только относительность и неопределенность знаний. В итоге получается, что критерий истины, предложенный им, не является объективным критерием.

Это подтверждается и тем, что Гароди включает в практику разум: «...разум, как историческое создание человека, включается в строгую имманентность всеобщей общественной практики» (стр. 69). «Практика в понимании Маркса и Ленина, — заключает он, — содержит в себе одновременно момент понятийного анализа объективных условий действия и чисто человеческий

(уже не только технический, но и «моральный») момент диалектического преодоления и разрыва, который требует предвосхищения целей, что влечет за собой необходимость риска, ответственного выбора, подлинно исторической инициативы» (стр. 295).

Итак, практика, по мнению Гароди, — это и разум, и мораль. Практика, конечно, связана с разумом и моралью, ибо практической деятельностью занимается человек, обладающий и тем и другим и приводящий в «движение» и то и другое во время этой деятельности. Однако сущность практики заключается в том, что в ней человек непосредственно сталкивается с объективной реальностью, с вещами и явлениями, изменяет их.

По сути дела критики ленинской теории отражения представляют практику как делание, творение окружающего мира, а не как его изменение.

Конечно, в практике есть творческий, активный момент. Но она не только субъективна (в том смысле, что она является деятельностью субъекта — человека и человечества), но она есть и исторический процесс, совершающийся в соответствии с объективными законами природы и общества, она есть взаимодействие человека с объективной реальностью. Человек изменяет внешний мир, только опираясь на знание законов его развития.

Критики марксизма противопоставляют положение Маркса, Энгельса и Ленина о способности человека изменять внешний мир, быть активным существом, положению о способности человека правильно отражать внешний мир, считая их взаимоисключающими друг друга. «Я подчеркиваю, — пишет Петрович, — что теория отражения несовместима с марксистским пониманием человека как творческого, практического существа», что теория отражения «находится в противоречии со всей марксистской концепцией мира и человека»¹.

Все это еще раз показывает, что критики ленинской теории отражения решают основные вопросы теории познания в субъективно-идеалистическом духе, в духе агностицизма.

¹ G. Petrovic. Filozofija i marksizam, str. 255, 257.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наше время идет борьба двух идеологий — социалистической, научной, опирающейся на ленинскую теорию отражения, и буржуазной, антинаучной, опирающейся на идеалистическую и агностическую теорию познания. В этой борьбе решение теоретико-познавательных проблем занимает одно из центральных мест.

Современные ревизионисты и критики ленинской теории познания сосредоточили свое внимание на опровержении ленинского положения о том, что познание есть правильное отражение внешнего мира в человеческой голове. Одной из причин их нападков на марксистско-ленинское положение о познании как отражении является одностороннее усвоение ими диалектики, в частности диалектики складывания абсолютной истины из суммы относительных. В. И. Ленин, критикуя абсолютный релятивизм Богданова, указывал, что ревизионисты односторонне усвоили диалектику, что диалектика включает в себя релятивизм, но не сводится к нему. Эта ленинская критика является актуальной и в наше время.

В настоящее время научные знания бурно расширяются, углубляются и уточняются. Все это требует признания изменчивости знаний о вещах и явлениях, диалектической оценки ее. Современные ревизионисты заметили эту изменчивость, заявляя, что они являются диалектиками, а не догматиками. Но поскольку они не хотят или не способны признать другой стороны диалектического процесса развития знаний, а именно накопления зерен абсолютной истины, преемственности в смене теории, постольку они скатываются на позиции релятивизма, трактуя в субъективно-идеалистическом духе предмет познания, истину, практику и т. д.

На наш взгляд, одностороннее усвоение диалектики в конечном итоге смыкается по своим объективным результатам с догматизмом, метафизикой, постоянно переключается с ними.

Современные ревизионисты перешли в решении основных вопросов теории познания с позиций марксистско-ленинской философии на позиции современной буржуазной философии, плетутся в хвосте этой философии. Это определяет и объективное содержание решения ими вопросов теории познания, решения, являющегося антинаучным, несовместимым с жизнью, практикой. Суть всех предложений по «улучшению» марксистско-ленинской теории познания сводится к проповеди идеалистической теории познания и агностицизма.

Следует сказать, что, несмотря на неоднократные заявления современных ревизионистов, главной целью их усиленной атаки на ленинскую теорию отражения объективно является не улучшение марксизма, а его «уничтожение» и проповедь буржуазной идеологии, стирание граней между наукой и религией. В самом деле, они сосредоточивают свое внимание на попытке доказать, что сознание человека как отражение внешнего мира не имеет значения в жизни общества, людей. Следовательно, получается, что не имеет значения и марксизм-ленинизм, ибо он есть правильное отражение наиболее общих законов движения и развития природы, общества и мышления. Современные ревизионисты, хотя они того или не хотят, острие своей борьбы направляют на «уничтожение» марксизма-ленинизма, на то, чтобы разоружить трудящиеся массы идеологически, посеять у них неверие в их борьбе за социальный прогресс, демократию, социализм и коммунизм.

Мы уже видели, что проповедь, например, Гароди так называемого здорового плюрализма есть отказ от марксизма-ленинизма, есть проповедь современной буржуазной идеологии. В книге Р. Гароди «За французскую модель социализма» нашлось место всем моделям социализма, кроме одной... научного социализма. В книге того же автора «Большой поворот социализма» проповедуется буржуазная идея о возникновении социализма в недрах капитализма, в силу развития техники, в частности кибернетической, и доказывается якобы ненужность классовой борьбы, пролетарской революции, уста-

новления диктатуры пролетариата, руководящей роли марксистско-ленинской партии.

Современные ревизионисты ожесточенно ополчаются на ленинскую теорию отражения. И это не случайно. Именно эта теория вскрывает всю фальшь и ложь рассуждений ревизионистов по вопросам познания внешнего мира, способствует разоблачению ревизионизма в целом. «Ревизионизм или «пересмотр» марксизма, — указывал В. И. Ленин, — является... одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариата»¹. Ревизионизм, учил Ленин, есть проявление мелкобуржуазной идеологии в рядах марксистской партии, результат воздействия буржуазной идеологии на рабочее движение.

Развивая в новых условиях теорию познания диалектического материализма, В. И. Ленин отстаивал объективную ценность наук о природе и обществе, вооружил исследователей научным диалектико-материалистическим методом познания внешнего мира, нанес сокрушительный удар по идеализму, агностицизму и ревизионизму в вопросах познания. Ленинская теория познания и впредь будет служить делу построения коммунизма, покорения сил природы человеком, борьбы против современной буржуазной философии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 180.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Критика понимания предмета познания современными буржуазными философами и ревизионистами	5
Глава II. Критика извращений марксистско-ленинского понимания отражения, роли живого созерцания и абстрактного мышления в процессе познания	26
Глава III. Несостоятельность решения вопроса об истине и ее критерии современными буржуазными философами и ревизионистами	58
Заключение	93

ВИСЛОБОКОВ,
АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ КРИТИКИ

Редактор *В. И. Мудрагей*
Младший редактор *В. И. Козловский*
Оформление художника *Р. А. Володина*
Художественный редактор *М. Н. Сергеева*
Технический редактор *Ж. М. Конобеева*
Корректор *Л. А. Рубина*

Сдано в набор 1 июня 1971 г. Подписано в печать 6 сентября 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Условных печатных листов 5,04. Учетно-издательских листов 5,1. Тираж 8500 экз.
А11939. Цена 31 коп. Заказ № 3268

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 8 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Хохловский пер., 7.